

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

“уйди-уйди”

Пьеса в двух действиях.

г.Екатеринбург

1998 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЛЮДМИЛА - 40 лет

АНЖЕЛИКА - дочь Людмилы, 20 лет

ЭНГЕЛЬСИНА - мама Людмилы, 70 лет

МАРКСИНА - бабушка Людмилы 100 лет

ВАЛЕНТИН - 40 лет

ЕВГЕНИЙ - 20 лет

СЕРЁГА ПЕРВЫЙ - 20 лет

СЕРЁГА ВТОРОЙ - 20 лет

СОЛДАТЫ

Провинциальный город. Окраина. Наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Весна, конец апреля, тает снег, лужи. Четыре пятиэтажки и военный городок на окраине города. Дома стоят на пустыре лицом к лицу к казармам, между ними забор и дорога. Городок обнесён

железобетонным забором, в нём дырки, а поверх забора - в два ряда колючая проволока. На проволоке сороки хвостами дёргают. На заборе слова краской написаны: “Двери жел. 396699”, “Фирма Золотце - тел. 614646”, “Джессика - 294394”, “Маша, ай лавью”, “ДМБ-98”. Казармы, дома и забор сделаны из одинаковых серых плит. В домах на окнах цветы, а в окна казарм видны спинки двухъярусных кроватей, на которых портянки сушатся. Казармы стоят чуть повыше и на глине, и от казарм к домам текут красные, как кровь, ручьи, заливаются в подвалы. Напротив одного из домов новенькая двухэтажная стеклянная солдатская баня. Окна внутри бани покрасили масляной краской, но от жара краска облупилась и всё просвечивает, когда солдаты моются: кто как глиста худой, а кто накаченный - развлечение смотреть для живущих напротив. По дороге мимо городка, мимо пятиэтажек, между деревянных домиков гремит-звенит-тащится трамвай в город - час ехать отсюда до центра. На перекрёстке мигает красный - светофор сломался. У ворот контрольно-пропускного пункта стоят парни в шинелях, с девушками беседуют. Рядом “легковушки” приткнулись: мамы с папами приехали сыновей проводить. Иногда ворота открываются и выпускают в городок или чёрную “Волгу” с генералом, или крытую брезентом машину - с дальнего стрельбища везут солдат. Учебный полигон есть и в самом городке, в глубине его, в лесу, в соснах. Там где-то и спортивный стадион, и машины стоят - ракеты или ещё что-то такое военное, странное, страшное. В городке готовятся к параду, маршируют по плацу солдаты, команды в мегафон раздаются, фальшиво играет оркестр. Между пятиэтажками по земле проложена толстая труба с горячей водой, пар от трубы идёт, нагревает землю, собаки стадом возле на зелёной траве, а в метре в сторону - снег лежит. Все деревья в округе сломаны - снегу было много зимой.

А в трёхкомнатной квартире, что на последнем этаже в доме напротив стеклянной бани - потоп, бежит крыша, стены по углам зелёного цвета. На полу, на мебели стоят тазы, ведра, чашки, кастрюли - в них вода с потолка капает. Комнаты в квартире одна другой меньше. Маленький коридорчик, кухня, туалет. В центре самой крохотной комнатки - прямоугольный полированный стол. На нём тарелки с едой, графин с подкрашенным самогоном и пластмассовые цветочки в вазе. Каждый угол в комнате особый: в одном - иконы и лампадка, в другом - портрет Ленина, в третьем - картина “Грачи прилетели”, в четвёртом - вырезанные из журнала и наклеенные на стенку клеём полуголые мужики. На кровати с шишечками под ковриком, на котором Красная Шапочка встретила Волка, полулежит-полусидит, обложенная подушками, МАРКСИНА НИКОЛАЕВНА - она в парике и со вставными зубами. Марксина то в тарелке с едой ковыряется, то мнёт в руках резиновую игрушку “Уйди-уйди”. Одеяло на кровати солдатское, с белыми полосками. Простыни и наволочки - со штампами военной части. На зелёном диване у балконной двери спит под пледом в синюю клеточку ЭНГЕЛЬСИНА ПЕТРОВНА и, чтобы выйти на балкон, надо диван вместе с Энгельсиной отодвинуть. За столом трое: ЛЮДМИЛА, АНЖЕЛИКА, ВАЛЕНТИН. У Людмилы причёска красивая, она в тапочках и в блестящем платье на ляпочках, платье на плечах еле-еле держится, спина голая, с большим вырезом, а на груди платья - тигр нарисован; у него глаза светятся, когда Людмила шевелится. Под левым глазом у Людмилы синяк, косметикой затушеванный. Рядом Анжелика - накрашенная, брови выщипаны, на руке пластмассовые часы и тоже с синяком. Напротив Анжелики - Валентин: круглая гладкая лысина, вокруг которой длинные спутанные волосы. Валентин в джинсе, кожаной жилетке, в рубашке-косоворотке с турецкого рынка, с кольцом в ухе. ЕВГЕНИЙ набросил на плечи шинель, курит на балконе. На окнах в баночках рассада - помидоры и перец. В углу на плёнке куча картошки прорастает - “посадочный материал”. Лопаты, вилы, грабли стоят там же. У двери - сложенная раскладушка. Вечереет, часа четыре после обеда. Пятница и уже во всех квартирах дома начали гулеванить - пить, петь и драться ...

ЛЮДМИЛА. *(Чихает.)* Бабушка, не пищи, а? Итак нервы на пределе. Ей понравилась ваша “Уйди-уйди”, Валентин Иванович. Исключительная игрушка. Громкая. Конец апреля, а комары. В подвале сыро, потому и плодятся, зараза два раза. Мы их пылесосом собираем, они прям на стенках висят, как ульем прямо. Это я уже говорила.

ВАЛЕНТИН. *(Смеётся.)* Случайно взял, на подарок кому и - пригодилось. Она дорогая.

ЛЮДМИЛА. Дорогая, да? Надо же. Наши наловчились всякое выпускать тоже.

ВАЛЕНТИН. Нет, она нерусская. Нет, я ещё раз настаиваю, для ясности. Я три месяца назад ехал в командировку, я часто бываю, по проблемам отдела развития, - я в отделе развития работаю - и вот, ехал в поезде, у азербайджанца напротив на столе - лежит газетка, а на газетке рыбка или курочка, что ли. Ну, я взял, стал читать. Газета объявлений. Называется “По рукам”, что ли. И вдруг ваше - интереснейшее, так сказать, предложение. Я написал, вы - ответили, и вот - я тут. Не вовремя?

ЛЮДМИЛА. Почему? Мы гостям рады. Как раз сто лет бабушке сегодня празднуем, зараза два раза. И вы приехали. Ну да, я ответила вам, я не знала, что вы так быстро. Это Анжелочка, доченька моя, это бабушка - “тётя Мара” зовите, это мама моя - “тётя Эля” зовите, а Евгений - дружок Анжелочки, солдатик, “Евгений” зовите его, зараза два раза. Напрасно я, напрасно я вам обратный адрес написала. Вы приехали, и мне стыдно, за всё за это вот кругом тут вот везде прямо.

ВАЛЕНТИН. Всё нормально, напрасно вы, хорошо всё это вот кругом тут вот везде прямо. *(Смеётся, ест.)*

ЛЮДМИЛА. *(Поправляет ладошкой причёску.)* Ни маникюр не сделала, ни педикюр, ни “химию”. Хорошо - платье купила, вчера случайно наткнулась. Думаю, дай, - подарок на бабушкин день рождения себе сделаю. Красиво он так глазами сверкает, да? Зачем я адрес дала, вы приехали, мы не ждали, мне надо было “химию” сделать, маникюр, педикюр и вообще. У вас будет превратное впечатление, зараза два раза. Стены зелёные у нас. Мыши, комары, солдаты вот, двухвостки, глина красная вокруг, ливы вокруг дома глубокие, крыша течёт. Вообще кошмарно. Жить тут негде и нельзя. Я вам писала и думала - я поеду туда к вам жить, на Кавказ.

ВАЛЕНТИН. Вы спутали. Я не с Кавказа. Я из Краснодарского края.

ЛЮДМИЛА. Ну да, главное: что-то тёплое, хлебное, богатое. Не жить к вам конкретно, чтобы вы чего не подумали, а - как бы это? Ну, уехать отсюда и там где-нибудь зацепиться за кого, понимаете? Начать жить заново, понимаете? Поймите, если в вас есть человеческий фактор! А то тут - невозможно. Мне шбежать ... шпешать ... жпезать ... - тьфу, зараза два раза! - сбе-жать от всего от этого надо, я уже не могу, надо, а то у меня глюки начнутся, зараза два раза, ну, надо же, как нехорошо вышло, а?

ВАЛЕНТИН. *(Рядом с ним портсигар, он его одним пальцем крутит на столе.)* А я как знал, что у бабушки юбилей. *(Говорит: “Ебелей”.)* И вот - игрушку. *(Марксина жмёт на игрушку и она пиццит.)* У меня такая в детстве была - “Уйди-уйди”. Заяц тоже, пиццал тоже.

МАРКСИНА. *(Вдруг.)* У нас местов нету. *(Пауза.)*

ЛЮДМИЛА. Бабушке не в уме. А ещё весна - обострение. Ну, она вообще-то права - нету. Нету местов тут. *(Послюнила палец, трёт пятно на подоле платья.)*

МАРКСИНА. Людмилка, ты чего придумала? Никаких тут никуда чтобы.

ЛЮДМИЛА. Хватит! Я же говорю, что туда уехать хочу, ты не поняла, что ли?

МАРКСИНА. Сколько тебе надо поджениваться, сколько? Он нас обворует.

ЛЮДМИЛА. Замолчи! Когда это я подженивалась? Ты как меняставляешь перед человеком? Мне и так стыдно перед человеком, он в такую даль ко мне приехал, а вы концерты ещё устраиваете, бессовестные!!! *(Валентину.)* Не слушайте её, она - валет. Обострение. *(Вертит пальцем у виска, Марксина на ладони хлеб подкидывает.)* Видите - старый, что малый. Ей всё кажется, её кто обворовать хочет, всё в кровать прячет, боится, ночи не спит, только днём. Ну, какие ещё мы старые будем, да? И не такие, поди! Будем вообще лежать кверху воронкой, чувствую. А куда их деть? Живым ведь в землю не закопаешь, так? Бабушка десять лет не встаёт, а это - знаете, что значит: ужас просто. *(Марксине.)* Не играйся с едой, ешь как следует!

Пришёл Евгений, сел за стол, смеётся. С крыши дома солдаты сбрасывают снег деревянными лопатами. Все смотрят в окно, молчат. Железная дверь на первом этаже хлопнула.

ВАЛЕНТИН. А?

ЛЮДМИЛА. Дверь железную с замком поставили в подъезде вчера, без пружины, она и буцкает так, ударяет по нервам, зараза два раза.

ВАЛЕНТИН. А-а, а я думал - война началась, ракеты из городка стрелять начали. *(Смеётся.)* Будем знакомиться ближе, так, нет?

Валентин взял портфель, порылся, достал фотоальбом с запаянными в пластмассу фотографиями. На первой странице альбома наклейка - голая девица.

У меня проблема. Так говорят в Америке. Вот и я, как американец, да? Только из Краснодарского края. *(Смеётся.)* Я хотел про свою первую жену рассказать. Проблема с ней! Перестала со мной спать и - всё. Полгода не спит, год и я - ушёл. Потому что мне же надо по-мужски, вы понимаете ...

ЛЮДМИЛА. Да, да, я понимаю вас ... Бабушка, да не играйся же ты с едой, сказала?! И не пищи, уши болят уже! Ну, что ты с ней будешь делать, а?

ВАЛЕНТИН. Ушёл к другой. Со второй было очень удобно. Она такая хорошая была: каждое утро свежую рубашечку, брючки мне погладит, стрелки такие, что аж обрезать можно было. Во-от. Яичницу. С помидорами. Каждое утро. Вот поэтому - я ищу подругу жизни. Вот фотки. Смотрите.

Отдал альбом, Людмила листает его. Евгений заглядывает через её плечо.

Осторожнее, не замажьте. Это моя жизнь. Скучаю. Скоро поеду назад. Сегодня.

ЛЮДМИЛА. Как сегодня? Да? Сегодня домоюсеньки?

ВАЛЕНТИН. Да. Сегодня. *(Ест.)*

ЛЮДМИЛА. Как же вы, так сразу приехали ... Я, дура, адрес дала взяла. Это кто тут такой маленький?

ВАЛЕНТИН. Это я маленький. *(Смеётся.)* Вот это я, маленький у мамы на руках, видите - писюлёк болтается. Маленький.

ЛЮДМИЛА. Да, болтается. *(Смотрит фотографию ближе.)* Ни маникюр, ни педикюр ...

ВАЛЕНТИН. Да ничего и так. Дак я ищу подругу жизни раз, мне надо перебрать всех. Я ещё тут к одной заехал. Посмотрел на её. Ничего так. Но надо думать.

ЛЮДМИЛА. Как, не поняла? Вы ко мне приехали? Или вы ко всем ездите?

ВАЛЕНТИН. А что тут такого, вы про что подумали? Нет, я честно. Мне надо, чтобы дом держала. Я часто езжу в командировки. И тут у вас: по проблеме отдела развития и по своей проблеме решил, по личной, заняться. *(Ест и пьёт.)* Нет, я честно сказал: ещё четыре адреса в вашем городе. Потому что там была газетка у азербайджанца с курицей, ваша, местная, и я все адреса выписал. Я честно, предупреждаю сразу. Мне выбрать надо. Раз проблема - надо решать. В доме шесть комнат. Если считать точнее - семь. Одна - веранда. Увитая виноградом. Во-от. Осторожнее с фотками, пожалуйста. Это же моя жизнь.

ЛЮДМИЛА. Сколько комнат? Семь комнат? Веранда с виноградом? Семь комнат на Кавказе? Семь? Семь? *(Пауза.)* Прямо не знаю. Дак вы ко всем приехали? А-а ...

ВАЛЕНТИН. Я - честно. Я - выбираю. Семь. Комнат - семь. Я ж вам писал в письме, а вы ответили. Вы забыли.

ЛЮДМИЛА. Ой, Валентин Иванович, столько всего, что - забыла, нету памяти, нету. Я уж не помню, ходила сегодня в туалет или нет, а вы спрашиваете, что вы там в письме написали ... *(Чихает.)* Приношу прощение.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Это у вас как пресс-релиз?

ВАЛЕНТИН. Что?

ЕВГЕНИЙ. Я говорю - как пресс-релиз это у вас тут, нет?

ВАЛЕНТИН. Ну да, в общем-то. Да, пресс-релиз. Так точно, товарищ солдат. Я в отделе развития работаю, там новые технологии у нас и вот, могу открыть вам тайну, что я тут у вас узнал про вашу зарплату. Так вот, девушки, женщины, пенсионеры и солдаты. У вас - пятьдесят процентов удерживают, а у нас двадцать. И с пенсионеров тоже.

ЛЮДМИЛА. *(Помолчала.)* Чего удерживают?

ВАЛЕНТИН. Вам не понять, это в отделе развития, где я работаю, знают, и я знаю - удерживают у вас, вы даже и не знаете, вот так.

ЛЮДМИЛА. Да что вы? Ну надо же, а? Удерживают? Вот дурят нас. А мы - не знаем.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Чётко, а? Я вот не понял, а что такое - "отдел развития"?

ВАЛЕНТИН. Где всё развивается, понятное дело, странный вопрос. Новые технологии. Пресс-релизы. *(Смеётся.)* Вот, это - моя первая жена.

ЛЮДМИЛА. Так я люблю чужие фотки смотреть, чужую жизнь красивую, раз своей нету. У кого-то счастье, да. Не знаю. Есть оно, счастье, на белом свете или нет вообще? Есть, Валентин Иванович? Это она, да? Это которая рубашечку вам давала по утрам?

ВАЛЕНТИН. Нет. Это вторая давала. Вот она. Первая - перестала со мной спать и всё.

ЛЮДМИЛА. А-а, вы рассказывали. Это она тут, да?

ВАЛЕНТИН. Да. Нет. Не спит. Не спала. Может, болезнь у нее какая началась, ну сказала бы, почему не сказать, ведь так? Я бы понял.

Хлопнула дверь подъезда. Валентин вздрогнул.

ЛЮДМИЛА. Какая болезнь?

ВАЛЕНТИН. *(Шевелит пальцами в тапочках.)* Ну, ранний климакс, что ли. Я откровенно, раз тут все свои, женщины, то есть. По женским болезням у неё началось, может, нет? Ну, так сказала бы запросто и я бы понял, понимаете? Мы же люди - не собаки. Так?

ЛЮДМИЛА. Так. Не собаки. Мы люди. Правильно. Прямо не знаю. Семь комнат, говорите? Семь?! Прямо не знаю. С верандой? А у нас виноград дорогуший. Семь комнат? И на Кавказе?

ВАЛЕНТИН. В Краснодарском крае. Не спит со мной и всё. И я развелся, ушел от нее. Теперь я - вот в отделе развития тружусь. И один. Ищу подругу.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Она, жена ваша, может, поменяла секс-ориентацию. Она теперь лесбиянство, поди, задвигает.

ЛЮДМИЛА. Что? Кто? Вы что-то такое сказали, Евгений?

ЕВГЕНИЙ. А что такого? Что естественно, то не безобразно. Она лесба стала, сто процентов. А чего тут такого? Нормально, чётко даже. *(Смеётся.)*

МАРКСИНА. *(Пищит игрушкой.)* Чаво?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Ничаво, бабушка, так, всё чётко.

ЛЮДМИЛА. Вы бы ели лучше, наедались до отвала, да? Вас не потеряют в части, нет?

ВАЛЕНТИН. Нет, тут другое что-то, не знаю, как сказать ... Короче: не спит - и всё.

ЕВГЕНИЙ. Говорю ведь. Во всех газетах так пишут ... Поменяла!

ВАЛЕНТИН. Нет. Беспочинно не спит. Может, разлюбила? А я же мужчина, мне же надо. И вот я ушел, нашел другую, но и от той ушёл, была проблема одна ... А у меня болезнь такая редкая - не могу один оставаться и всё. Она не заразная, это такая, психическая болезнь, что ли.

ЛЮДМИЛА. Как не можете?

ВАЛЕНТИН. Ну, так, не могу. Даже спать не могу один, ужас, страх какой-то находит.

ЛЮДМИЛА. Да что вы? Как интересно. Первый раз такую болезнь слышу.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* А в туалет?

ЛЮДМИЛА. Ешьте больше! *(Смотрит фотографии.)* Как красиво. Какие краски. Как в телевизоре красиво, красочно. Господи, как везёт людям, как везёт, зараза два раза ...

АНЖЕЛИКА. Дай посмотреть.

ЛЮДМИЛА. Иди вымой руки сходи, тогда дам.

АНЖЕЛИКА. У меня чистые.

ЛЮДМИЛА. Как красиво! Боже мой! Плакать хочется! Это вся ваша жизнь тут запечатлена. Да? Семь комнат?!

ВАЛЕНТИН. А это я в школе. Семь. А это в армии. Солдат был тоже. Да. Так же вот дружил с девочками в армии. Как и вы тут дружите.

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит фотографии.)* Мы не дружим. Мы их, ненавидим, солдат этих, Валентин Иванович. Они нам в плотке стоят. Дочка так, балуется, молодая, по-детскому вот у них с ним любовь или дружба, что ли, не знаю. А так - нет. Как мне приятно, Валентин Иванович, что в вас присутствует человеческий фактор. Семь комнат, говорите? А я поначалу думала: с Кавказа, с кольцом в ухе, представительный. А вы простой, какой-то в доску какой-то свой. Ой, как там хорошо на Кавказе, да?

ВАЛЕНТИН. В Краснодарском крае. Да. Там апельсины - во! Нет - во! *(Показал руками.)* А дома все - трёхэтажные. *(Тявкнула собака на улице, хлопнула дверь подъезда.)*

ЛЮДМИЛА. Это в смысле - частные? Ваш, в смысле?

ВАЛЕНТИН. *(Ест и пьёт.)* Ну да. И частные тоже. То есть, не просто домики такие маленькие, а трехэтажные дома все. Но есть и пятиэтажные. И даже десятиэтажные. То есть, высоких домов очень много.

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит фотографии.)* Ой, какой вы тут хорошенький, ещё с волосами даже! А где же ваш домик тут на фотках?

ВАЛЕНТИН. Нету. Не успел сфоткать. Пока. Да, вы правы, товарищ солдат, это как пресс-релиз у меня. Именно - пресс-релиз. Я ведь в отделе развития. Вся моя тут жизнь, с детства, чтобы долго не рассказывать, вот она тут и запечатлена. Там есть фотографии похвальных грамот. Чтоб не носить с собой оригинал. Сфоткал вот.

ЕВГЕНИЙ. *(Ест яблоко, хрустит, смеётся.)* Оригинал, да. Чётко!

ЛЮДМИЛА. *(Чихает.)* Приношу прощение. У меня аллергия на солнце. Как солнце выходит, я - чихать, и чихаю, зараза два раза. Говорила, приношу прощение. Мы только тут сидеть можем, а там - потолок может обвалиться. *(Все подняли головы, смотрят на потолок. Валентин смеётся.)* Правда. Стенки зелёные. Хоть бы к вечеру заморозок ударил, чтоб ночью не капало нам на бошки. Ну вот, Валентин Иванович, давайте, что ли, и правда, знакомиться? *(Смеётся.)* Это наша, так сказать, берлога. В берлоге живут четыре медведицы, четыре девушки: Людмила, Анжелика, Энгельсина - мама моя, Марксина - она прабабушка Анжелочке. Вот, наше бабье царство. Бабушка в молодости поменяла имя, была Фрося, что ли. И дочку назвала Энгельсиной. Слава Богу, хоть до меня не добралась. Сильно-сильно политическая была у нас семья. Я тоже - ума не лишку - дочку в честь Анджелы Дэвис назвала.

ЕВГЕНИЙ. *(Громко.)* От революционера родила, бабушка, слышишь, нет? *(Смеётся.)*

ЛЮДМИЛА. Вы, Евгений, ешьте сильнее, вам на службу, Родину защищать, а вы запьянеете. Ну, я что хотела сказать: бабушка - валет, к несчастью, а мама чуть выпьет и песенки поёт, ну - обострение у них у обоих.

ЕВГЕНИЙ. *(Валентину.)* А у вас по весне обострения от вашей болезни не бывает?

ЛЮДМИЛА. *(Громко.)* Сегодня пятница - весь дом гуляет. А нам не до алкашества. Так, рюмочку винца самодельного. Вы, Евгений, не злоупотребляли до службы?

ЕВГЕНИЙ. *(Ест, смеётся.)* На бутылочной пробке поскользнулся - и пять дней в запое!

ЛЮДМИЛА. Это юмор современной молодёжи, я не понимаю, приношу прощение. Спрячьте фотографии, а то капнем ещё на них. Ну вот. Короче, не жизнь - мучение. По пунктам: мыши - раз. Ночью пищат - кошматерный фильм. Потолок - два. Глина красная - три. Комары. Что ещё? Дочка у меня кесарёнок, поздно рожала. Всё искала суженого. Нашла. Но папа наш погиб на испытаниях новой техники. Он был лётчик. Он как Гагарин погиб. Мы ужасно несчастные. *(Молчит.)* Это не квартира - живопырка. Я пойду к домоуправу, чтобы нас перевели на нежилое помещение. Тити-мити за эту - халабуду вынь, да положь, да заплати, а условий - ноль. Это вот солдаты снег с крыши скидывать начали, видать, кто-то из военных переехал в наш дом, а так бы - никогда. А я кассиром на автовокзале. В шесть утра, как занавеску откроешь: морды красные, синие, похмельные - фу. Всем билеты продаю, каждое утро - сызнова да ладом, а себе никак не могу купить билет в страну счастья, билет один-единственный, вот такушки вот.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Заплачьте ещё.

ЛЮДМИЛА. Вас в части потеряют, Евгений, и будут потом недоразумения.

ЕВГЕНИЙ. Не будут. Не потеряют. Первый раз, что ли.

Анжелика хлопнула Людмилу по спине.

ЛЮДМИЛА. Ты чего?

АНЖЕЛИКА. Комар присосался.

ЛЮДМИЛА. А-а. Вот так, в кассе, Валентин Иванович, а - пролетела мимо кассы, как говорится. А вы говорите - семь комнат, Кавказ ... Горы, да? Ой-ой ... Даже горы?

ВАЛЕНТИН. Хороший заработок зато в кассе, нет?

ЛЮДМИЛА. Да кого, прямо что, спросили у больного здоровья. Если кто сдачу забыл - разжилаась, и всё, а так - медяшки. Ну, конечно, кое-что есть: у хлеба, да как быть без хлеба? Ешьте. Кальмары, селёдка "под шубой". Мы очень любим нашу бабушку, сто лет ей как раз сегодня. Это я уже говорила. Помидоры сама делала, у нас участок, видите - рассада. Двухвостки всю подъели рассаду, без помидоров будем, зараза два раза. Вот, картошку проращиваем, скоро садить. На картофелину встала и упала, об косяк стукнулась. Припудривала, замазывала, а всё равно. Об этот вот косяк. А доченька - об тот. *(Валентин смотрит туда, куда показывает Людмила.)* Мы - интеллигентные, если думаете. Папа - Гагарин. Тазики ещё стоят, вода кругом, вот и поскользнулись. Как стыдно перед человеком, ой-ёй ... Вино домашнее. Сами делали, тоже. Оно крепкое.

ЕВГЕНИЙ. Не вино - самогон.

ЛЮДМИЛА. Ели бы вы, Евгений, наедались. Пельмешков положу сейчас. Вкусно?

ЕВГЕНИЙ. *(Ест много.)* Положите, сенкью, всё - чётко ... Дайте мне этот салат ещё.

ЛЮДМИЛА. Да возьмите. Да нате. Да на здоровье. *(Пауза.)* Да, свои сажаем, Валентин Иванович. Тут ещё комната одна, там вообще потоп, мы туда вещи-баракхло составили, и даже не заходим. Приданое наше. Видите - сколько невест, ой, беда, зараза два раза.

ВАЛЕНТИН. Много вещей?

ЛЮДМИЛА. А мы ходим, посмотрим потом. Есть кое-что. И из мебели тоже. А в той комнате посуше - квартирантов на свою голову пустили. Ну да - съезжают сегодня, вот-вот придут, прощаться, за билетом, что ли, пошли, уехали, ждём тоже.

ВАЛЕНТИН. Ну, место освободится.

ЛЮДМИЛА. Нет, нет, не освободится. Там тоже бежит. Мне необходимо уехать.

МАРКСИНА. *(Вдруг.)* В школе - секс преподают. Родителей заставляют, чтоб подписали отказ. Вымрет Россия!

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* От секса не вымрет.

МАРКСИНА. Ребятёшок жалко.

ЛЮДМИЛА. *(Вздыхнула, Валентину.)* Обострение, весна, что сделаешь, зараза два раза.

ЕВГЕНИЙ. Я покурю схожу. *(Валентину.)* Можно сигаретку стрелянуть?

ВАЛЕНТИН. Пожалуйста. Можно.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* И зажигалочку, ага? *(Залез пальцами в портсигар Валентина.)*

ВАЛЕНТИН. *(Смеётся.)* А лёгкие вам не одолжить?

ЕВГЕНИЙ. Чётко! Вы юморной такой, ага! *(Смеётся.)*

Евгений одну сигарету за ухо засунул, другую прикурил, встал, отодвинул диван вместе с Энгельсиной, вышел на балкон.

ЛЮДМИЛА. Доченька, заberi его, он замёрзнет ведь там и идите уже наконец куда-то гулять, наелись ведь. Курит и курит, прям зла не хватает, зараза два раза.

АНЖЕЛИКА. Успеem. Посидим ещё. Пусть наестся.

ЛЮДМИЛА. То лётает по городу, то их палкой из дому не выгонишь. Это её друг. Станный какой-то. Всё курит, семечки щелкает или смеётся. Смеётся и смеётся, что ни скажу. Думаешь: чего оно смеётся - не хватает у него, что ли?

АНЖЕЛИКА. *(В тарелку.)* Пусть смеётся, тебе жалко?

ЛЮДМИЛА. Помолчи. Вот молодежь, вот как со старшими разговаривают.

ВАЛЕНТИН. А я думал, вы сёстры. *(Смеётся.)*

ЛЮДМИЛА. Да? Ну вот, ещё по пунктам, ещё беда одна, расскажу про квартирантов. Приходится сдавать, всю ведь жизнь на раскорячке из-за денег этих. Ну, нашли мы по газете двух парней, специально, чтоб они вместе жили и чтоб платили больше, понимаете? Симпатичные такие, они из балета, что ли, танцуют где-то в ресторане. Снимают комнату второй месяц. А оказалось - не квартиранты, а что-то отдельное. *(Пришёл Евгений, сел за стол, ест.)* Покурили, Евгений? Так быстро?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся, ест.)* Покурил. Так быстро. Мне интересно, про что вы разговариваете. Всё чётко. Давайте дальше.

ЛЮДМИЛА. Можно, да? Спасибо. Ну вот. Тут вот у них за стенкой такая странность, они какие-то - ну, не знаю. Два парня, а с нами не общаются. И, вы знаете, такие крики по ночам устраивают. У них совершенно отсутствует человеческий фактор, ну, в смысле, что люди спят. Всё время вдвоём, женщин к ним не ходят, а крики по ночам. Репетируют, что ли, что-то балетное?

ЕВГЕНИЙ. *(Ест.)* Это они гомосексуализм задвигают.

ЛЮДМИЛА. Вы подъели всё? Тут взрослые говорят, шли бы с Анжелочкой гулять, а?

ЕВГЕНИЙ. А что? Это знают все. Эктив и пэссив.

ЛЮДМИЛА. Ну, вы будете говорить или я? Говорите, пожалуйста. *(Послонила палец, трёт пятно на подоле платья.)*

ВАЛЕНТИН. Это правда. У нас в Краснодарском крае это сильно распространено, просто эпидемия какая-то. *(Ест.)*

ЛЮДМИЛА. Как - правда? Какая правда? Разве? *(Пауза.)* А я как-то даже и не соединила. А правда? Отчего там кровать скрипит, крики, думаю, а оно ...

ЕВГЕНИЙ. Думали - загадка природы. А это очень просто открывается! *(Хохочет.)*

ЛЮДМИЛА. Да нет, ну вас. Два парня, два Серёги и с такими кольцами в ушах, как у вас, Валентин Иванович, нормальные они такие ... Да нет, нет, нет!

ЕВГЕНИЙ. Да - да!

ВАЛЕНТИН. А про меня - нет, нет, не надо. Я - с другой платформы.

ЛЮДМИЛА. *(Помолчала.)* Ну, они съезжают, сегодня вечером, говорят - в Америку, пусть, от них нам толку нету. Про что это я говорила? А, вот! Бабушка на кровати, мама на диване. Я тоже с нею, он раскладывается, раньше вместе с Анжелочкой спали, а теперь она выросла и спит на раскладушке, тут её рассупониваем, посередь комнаты, стол сдвигаем и вперед, храпака. *(Смеётся.)* Шутка. Так что мест тут спать совершенно нету. А у некоторых семь комнат. Завидно. *(Пауза.)* Ну, неужели - правда, про квартирантов, а? Изврат какой, а? Мы их взяли, чтобы, а они ... О чём это я говорила?

ВАЛЕНТИН. Про Краснодарский край и про Кавказ мы говорили, Кавказ.

Евгений взял сигарету из портсигара, отодвинул диван с Энгельсиной, смеётся на ходу, вышел на балкон. Хлопнула дверь подъезда, Людмила вздрогнула.

ЛЮДМИЛА. Да какой там Кавказ, Валентин Иванович. Вокзал. Ну, что вот оно смеётся и смеётся, а?

АНЖЕЛИКА. Мама!

ЛЮДМИЛА. Оно меня раздражает прям до белого каления! Ну, сменим тему, эта очень грустная. Я всё про одно, я про то, что мне бы зацепиться только, а я живучая, выживу. Должна я когда-то для себя пожить. Дочка у меня вот Евгения нашла, зараза два раза. У нас тут все девчонки в округе с солдатами дружат, а моя - ни-ни, и не пьёт даже, в рот - ни-ни. Раньше не дружила ни с кем, но время подошло, видно. Мы жили всё время без солдатиков. Какие нам солдатики? Нам уже солдатики в глазах прыгают, они вон уже на крышу лезут, учуяли, что тут девушка есть, пахнет им будто, коты мартовские, гроздьями прям висят, паскуды, хоть бери метлу и разгоняй. И мыши тут.

ВАЛЕНТИН. *(Смеётся.)* “Тише мыши, кот на крыше”.

ЛЮДМИЛА. Да, да. “А котята ещё выше”. Ну вот. Я боюсь сапоги обувать. Вдруг там мышь, я сразу умру от разрыва сердца. Я мыло оставила случайно, дак они его съели. Мыло едят! А мы женщины. Я поэтому написала в газетку объявление, чтоб к кому прибиться. Да долго он там курить-то будет? Закурился уже. Когда уже оно накурится-то, а? И смеётся всё, будто мыла наелся, зараза два раза.

АНЖЕЛИКА. Тебе он зачем, пусть курит.

ЛЮДМИЛА. Да вы мне поговорить с человеком не дадите!

ВАЛЕНТИН. Мне не жалко, я ему дал сигарет, он же солдат, нас защищает.

ЛЮДМИЛА. Вы такой добрый, Валентин Иванович, в вас чувствуется такой человеческий фактор, семь комнат, Кавказ ...

ВАЛЕНТИН. Краснодарский край.

ЛЮДМИЛА. Да без разницы. *(Анжелике.)* Мне он низачем, дайте мне с человеком поговорить, он приехал с Кавказа с самого, для меня, ко мне почти что.

ВАЛЕНТИН. Нет, я честно - четыре адреса. *(Ест.)*

ЛЮДМИЛА. Ну да всё равно, Валентин Иванович ... *(Пришёл Евгений, сел, ест.)* Мне вот, главное, зацепиться и климат поменять. *(Чихает.)* Ну вот. Видите, как живём? Городок напротив этот военный, солдаты, для дочки, для девочки опасно очень.

АНЖЕЛИКА. Ну, мама.

ЛЮДМИЛА. Она смотрится, Валентин Иванович, взросленькой, а ей восемнадцать. Но я, если поеду куда, её оставлю. А как зацеплюсь, может - перевезу и её, и этих всех.

ВАЛЕНТИН. Сколько лет ей?

ЕВГЕНИЙ. Сколько ей лет?

ЛЮДМИЛА. Восемнадцать. Тише, доченька. Она выглядит постарше, потому что с детства познала лишения, детский труд, тяжесть физического труда. Да. Без папы росла. Папа, как Гагарин ... Это я уже говорила. Ну вот. Безработная пока. Да, Анжелочка?

АНЖЕЛИКА. Да.

ЛЮДМИЛА. *(Вдруг кричит.)* А что они, эти солдаты, недавно устроили? Я прям в шокинге! Баню выстроили, Валентин Иванович, из стекла! Баня прямо в наши окна, хоть закрась их масляной краской, хоть забей досками. Голые задницы! Будто реклама! А бабушки встанут у окна и смотрят, развращаются. Я ж не могу за ними следить с утра до ночи. Мало, что, извините, кобеляж вокруг городка идёт, так они ещё и баню стеклянную выстроили! Видать, стекло оставалось, девать было некуда. Ну, сделали бы теплицу! А то баню! Голые мужики, каждый вечер видно, два этажа. Разврат. Специально будто свои причиндалы показывают, безобразие, порнография какая-то. Хочешь не хочешь, а увидишь. Меня это просто угнетает, зараза два раза. Ведь мы тут - одни женщины. А мыши? А крыша? Мало того: эти дома делали вместе с казармами и чем попало строили. Сделано это всё из радиоактивного железобетона. Ночью - прям стены излучаются. Мы уже не люди, мы наполовину трупы.

АНЖЕЛИКА. Ну, хватит.

ЛЮДМИЛА. Ты как меняставляешь перед человеком? Вечером увидите, Валентин Иванович, как тут светиться будет всё вокруг. Вы ещё немножко посидите и у вас голова заболит. Не болит пока?

ВАЛЕНТИН. Чуть-чуть заболела уже.

ЕВГЕНИЙ. А как же бабушка так чётко - до ста лет дожила?

ЛЮДМИЛА. Случайно. Из правила бывают исключения.

ЕВГЕНИЙ. Потому что она революционерка законсервированная! Стойкая! Чёткая!

ЛЮДМИЛА. Вы что-то сказали опять, Евгений?

ЕВГЕНИЙ. Нет. Шутка.

ЛЮДМИЛА. А-а. Шутка. Весной у всех такое обострение, у нас на автовокзале дураки - стадом ходят. Вот как собаки вокруг этой трубы на улицы - табун, стадо. Собаки стадом, дураки стадом. *(Анжелика хлопнула Людмилу по спине.)* Да что ты ко мне привязалась?

АНЖЕЛИКА. Дак комар если.

ВАЛЕНТИН. Я позволю себе в ванную, руки вымыть.

ЛЮДМИЛА. Ой, пожалуйста. Там полотенце незамаранное висит, найдёте?

Валентин пошёл на кухню. Заглянул во все углы, увидел бутылку с самогоном, улыбнулся, пошёл в ванную. Людмила и Анжелика молчат. Евгений взял сигарету из портсигара Валентина.

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит на Евгения.)* Какой приятный человек, а? Очень, очень, очень ...

ЕВГЕНИЙ. Американец этот из Краснодарского края - брачный аферист, за версту видать. Он тут у вас жить хочет. Будьте осторожны. Надо портфель его проверить. Если там инструмент медицинский - точно. Я читал: они, аферюги, носят с собой марганцовку, и такое разное, чтоб сразу вымыться после этого.

ЛЮДМИЛА. *(Улыбается.)* И откуда только вы такой, Евгений, грамотный? Из какой деревни? То да потому, то да потому, толкует, толкует чего-то. Вот уеду от вас, живите.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Поезжайте. Не держим. Нам даже лучше. Мы тут ремонт сделаем, жить будем.

ЛЮДМИЛА. Ремо-онт? *(Улыбается.)* Ты заметила, доченька? Он иной раз как скажет - будто член покажет. Где ты его выкопала, из какой помойки, а?

МОЛЧАНИЕ.

ЕВГЕНИЙ. А?

ЛЮДМИЛА. *(Тихо.)* На два, сельпо. Я тебе клешни-то пообломаю. Поплохемши тебе, мальчик? А в рот тебе не надо потные ноги, нет?

ЕВГЕНИЙ. Чего?

ЛЮДМИЛА. Я говорю: кореш, мутату порешь. А через плечо не горячо? Орёл. Козёл. Сиди, не сявкой, хрумкай на халяву, скажи спасибо, что тебя с приличными людьми за один стол посадили, и молчи. Оно меня хоронит, оно тут командует, оно меня выселяет. Ты кто такое тут, жук-навозник? “Я у мамы вместо швабры”, женишок, козявка.

ЕВГЕНИЙ. *(Бурчит.)* Я что сказал? Я посоветовал. Я сказал - он аферюга, у него медицинский инструмент и марганцовка тама.

ЛЮДМИЛА. Тама?! По своим карманам пошарь, поищи марганцовку тама! Ишь, колхоз-навоз-крестьянство, тама! Уеду. Твари. Надоели. Уеду. А ты, Анжелка, из-под них говно вытаскивай, я не буду. Они тебе родные бабки - вот и занимайся, и клала я на вас с прибором. С кем хочешь, кого хочешь води, ремонтируй, делай - провалитесь!!!!

ЕВГЕНИЙ. Мне всё равно, только опасайтесь. Он самогонку как халкает. Отдел развития, Кавказ. Лавровый бизнесмен. Барон цыганский. В жилетке, с кольцом.

ЛЮДМИЛА. Ноль внимания. Фунт презрения. Ясно?!

ЕВГЕНИЙ. Мне всё равно. Я предупредил. Я покурю ещё.

Евгений взял сигарету из портсигара, отодвинул диван со спящей Энгельсиной, вышел на балкон. Марксина спит, игрушку к себе прижимает. Снег с крыши летит, хлопает дверь подъезда.

ЛЮДМИЛА. Крысёнок какой, деревня прыщавая, а? Одна извилина в башке - след от фуражки, а туда же. Будто бревном на стройке придавили. На халяву дорвался, курит и курит чужое, курит и курит, урод, ломом подпоясанный, надоел. А туда же -командовать! Водит и водит их, всё портянками провоняло. *(Анжелика плачет.)* Плачь, дура, плачь, плачь, идиотина, плачь, вы мне всю жизнь сломали, вся ваша святая троица, всё из-за вас! Из-под этой говно всю жизнь, с этой алкашкой мучаюсь, на тебя, дуру, всю жизнь робила, воспитывала и - что воспитала?! Я для себя не жила, а для вас всё, гадины, вы меня всю высосали, всю мою жизненную энергию! *(Рыдает.)*

АНЖЕЛИКА. Он жениться хочет.

ЛЮДМИЛА. Жениться?! Не смеши мои подмётки! Кому ты нужна, крокодилка, глянь в зеркало! Кому мы с тобой нужны?! Наши зелёные стенки нужны им! Дура! Правильно,

ему месяц до дембеля, не хочет в деревню ехать, хвосты быкам крутить, он на нашу юрту рот разинул, тебя захомутать решил, а ты, дура?! Спасибо. Уеду. Зачем мне тут жить? Она принесёт в подоле, а я ещё и её выблядков воспитывай потом. А он, Валентин Иванович, хороший человек, я сразу вижу, и - пусть пьёт, не ваше дело, все пьют. Не пьянеет - значит: крепкий мужик. У, уродка, повякай ещё, я всю вашу команду поудушиваю, поубиваю!!! И никто меня не посадит, потому что оправдают: в состоянии эффекта от вас я была, потому что у меня обострение началось с вами, ясно?!

Пришёл Валентин, что-то мурлыкает, сел. Людмила быстро вытерла слёзы, Анжелика тоже, улыбаются, молчат. Людмила ойкнула, сбегала на кухню, принесла пельмени, поставила на стол, села. Молчат. Слышно, как часы-будильник стучат, вода капает, мыши скребутся, дверь хлопает, снег с крыши летит, трамвай едет, оркестр играет на плацу ... Пришёл Евгений, сел.

ВАЛЕНТИН. Напрасно много курите, молодой человек. Лучше выпейте.

ЕВГЕНИЙ. А, да, сенькью, чётко. *(Смеётся.)*

ЛЮДМИЛА. А, да. Да, да. *(С улыбкой.)* Ешьте Евгений. Так вот, Валентин Иванович. Продолжаю обрисовывать ситуацию. Пункт восемь или двадцать восемь уже? Живём у военного городка, район - Гнилые Выселки. Улицы тут вокруг: Далёкая, Окрайная, Последняя, Огородная, Колхозная, Навозная - кошматерно! Другой раз думаю - стрелянули бы из городка этой установкой, "Градом" этим, - называется так, - стрелянули бы, чтобы всех нас накрыло разом, чтоб мне не хоронить поочередке всю эту коблу. Вот так - раз бы! - и нету нас. То есть, страшнее хоронить, чем самой помирать. Ещё солдапень эта вокруг. Мимо гаражей пройти женщине ночью нельзя - изнасилуют сразу. В самоволку уйдут, бродят вокруг, девок развращают, а они - голодные.

ВАЛЕНТИН. Кто? Девки?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Обе стороны. И те, и другие.

ЛЮДМИЛА. Вы бы ели, Евгений, а мы поговорим пока.

ЕВГЕНИЙ. Ну, разговаривайте. *(Икнул.)*

ВАЛЕНТИН. *(Наелся, вытирает рот платком.)* А ведь правда, трудно тут жить женщине. Трудно. *(Встал, смотрит в окно.)* А вы знаете, как интересно, вы посмотрите ...

ЛЮДМИЛА. Да что мне смотреть, я это каждый день наблюдаю. Вы отойдите, вам там на лысинку капает ...

ВАЛЕНТИН. А я вытрусь, у меня платочек ... Интересно. Собак - стадо, спят на траве, спокойные. Бездомные, а на людей не бросаются. Да. А смотрите, на деревьях: они от воды розоватые такие, и капельки на них, как слёзы. И как не замерзают, не понимаю.

ЛЮДМИЛА. Что?

ВАЛЕНТИН. Я говорю, вот человека - облей водой и выпусти на улицу на ночь в мороз - помрет, а эти стоят и - ничего. А ведь они живые, как и человек, в них что-то такое внутри есть непонятное, что и в человеке, что-то, от чего они живут. А? *(Пауза.)* Вот, вышел в ванную, а уже испугался, страх просто пробрал всего. Не могу, когда нету кого рядом. Вот ведь болезнь какая. Фу-у, теперь надо успокаиваться долго.

ЛЮДМИЛА. Бедный, бедный, вы сядьте, выпейте вот. Дак вам обязательно надо пару, Валентин Иванович. Ну, понимаю - вы ещё меня не знаете предлагать, и так далее. Ой, мне бы только какой адрес, зацепиться, где пожить на первых порах. Но вот возьмите меня хоть как квартирантку, я буду платить. Или домработницу. А потом - я уж сама.

ВАЛЕНТИН. *(Смотрит в окно.)* Это что за грохот?

ЛЮДМИЛА. Вот, град вдруг пошёл. То снег, то дождь, зараза два раза ...

ВАЛЕНТИН. А вилы вы в доме зачем держите?

ЛЮДМИЛА. Чтоб они не заржавели. А что?

ВАЛЕНТИН. А по четвергам там женского дня не бывает? В армии служат и женщины, кажется? Бывает ведь в столовых рыбный день, а тут, может ...

ЛЮДМИЛА. Не знаю, не служила. *(Пауза.)* Вы так и не показали, что же у вас в портфеле кроме фоток? Может, ещё что-то интересненькое есть, нет? *(Евгений смеётся.)*

ВАЛЕНТИН. Значит, нету женского дня?

ЛЮДМИЛА. Да вам зачем?

ВАЛЕНТИН. Так спросил.

ЛЮДМИЛА. *(Анжелике.)* Анжелочка, не грызи ногти.

АНЖЕЛИКА. Кто грызёт?

ВАЛЕНТИН. *(Сел за стол.)* Я вот анекдот расскажу.

ЛЮДМИЛА. Ой, давайте! *(Хлопает в ладоши.)* Давайте, только без картинок! У нас в семье это запрещается. Да, Анжелочка?

ВАЛЕНТИН. *(Кашлянул.)* Итак, два червяка вылезли на кучу, извините, “гэ”. Маленький червячок говорит: “Мама, тут солнце светит, деревья растут, красиво как, останемся тут!” А жирная червячиха ему: “Да, тут красиво, но мы сейчас полезем назад в “гэ”, потому что там - наша Родина!” *(Смеётся.)*

ЛЮДМИЛА. *(Помолчала.)* Всё?

ВАЛЕНТИН. Всё. Смешной анекдот. Я всем женщинам его предлагаю, так сказать. Это тест на юмор. Моя подруга жизни должна быть с юмором. А вы не поняли, нет?

Евгений хохочет, большой палец показывает Валентину.

ЛЮДМИЛА. Ну, не знаю. Не прошла я ваш тест. Мне слишком это больно, понимаете? Я провожу параллель с нашей жизнью, и мне уже не смешно. Но я оценила ваш юмор. Что могу сказать: анекдот жизненный, есть в нём человеческий фактор.

ВАЛЕНТИН. А?

ЛЮДМИЛА. Я говорю, что в вас присутствует некий человеческий фактор. А это отрадно. То есть, что вы вежливый такой. *(Поправила лямки.)* А это повсеместно приятно. *(Чихает.)* И ваш рассказ о Кавказе - просто какой-то роман. *(Евгений смеётся.)* Что? Я что-то не то сказала?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Нет, так. Чётко вы всё сказали.

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт под пледом вдруг и громко.)* “Я в осеннем лесу, пил березовый сок!!!! С ненаглядной певуньей в стогу ночевал ...”

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. Мама выпьет и поёт. Мама, проснулась? Иди на улку, на лавочку. *(Пауза.)* Видите, никого из дома выгнать не могу, всем интересно, человек приехал из другой жизни. *(Смеётся.)* Бабушке сто лет сегодня. Это я уже говорила.

ЕВГЕНИЙ. Сто лет в обед! *(Смеётся.)* Вашздоровье! *(Пьёт и закусывает.)*

ЛЮДМИЛА. *(Пауза.)* Анжелочка, не грызи ногти. *(Чихает.)*

АНЖЕЛИКА. Да не грызу я, с чего ты взяла.

ЛЮДМИЛА. А-а, да, это не тебе, а маме надо было сказать.

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Села на кровати, поёт громко.)* “ ... Что любил - не сберёг! Что хотел - потерял! Был я молод-удачлив! Но счастья - не зна-а-а-ал! ..”

Энгельсина покрашена, ей на голове “химию” из остатков волос сделали. Она, как и Марксина, в очках с толстыми стёклами. Марксина уснула, спит, игрушку в руке зажала.

ЛЮДМИЛА. Выпила и хулиганит. Мама, не надо петь. *(Улыбается Валентину.)* Обострение. Угощайтесь. Выпьем за бабушку. За её столетний юбилей. *(Выпили.)* Бабушка, мы за тебя выпили, слышишь? Спит она. Ну, пусть спит.

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт громко.)* “Я в татарах, я в татарах, я в татарах родила-ась! ..”

ЛЮДМИЛА. Да что “в татарах-то”? Растатарило тебя! Заело пластинку? Мамочка?!

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт громко, качаясь из стороны в сторону.)* “Я в татарах, я в татарах, я в татарах родила-ась! Я татару, я татару, я татару отдала-ась!!!!...”

ЛЮДМИЛА. Мамочка, не у Пронькиных, поди, а? Кушинькай лучше. Дочка у меня кесарёнок, папа наш как Гагарин ... Это я уже говорила. Выпьём. (*Выпили снова.*) Итак, у вас семь комнат. А ещё что?

ВАЛЕНТИН. *(Ест.)* Тепло очень. Поля широкие. *(Пауза.)* Урожай - ужасно большой. Просто красота везде и во всём.

ЛЮДМИЛА. *(Стукнула по столу кулаком.)* Вот это я понимаю! А у нас два месяца холод, остальное - зима. То снег, то град ... Ну, за что им это всё, - погода и так далее. С каким наслаждением и удовольствием я бы туда! Мне бы только зацепиться бы.

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт.)* “Нехотя-а-а-а-а вспомнишь и время-а-а-а-а бывшее-е-е-е!!!!”

ЛЮДМИЛА. Да дайте же мне поговорить с человеком?! Они заснут сейчас. Или по телевизору кино пойдёт. *(Чихает.)* Аллергия. Я говорила, приношу прощение. У меня, Валентин Иванович, очень простая фамилия. Ромашкина. Подарки на день рождения просто делать: подарить ромашки, коробку конфет “Букет” или килограмм шоколадных “Ромашка”. И подарок есть. Людмила Ромашкина. Что это я говорила? Ещё минутку внимания, я забыла сказать! Про юмор! У нас с ним всё в порядке! *(Смеётся.)* Кому-то попадётся счастливый пельмень. Я в него монетку закатала. Не подавитесь. А то будет счастья, как поперёк горла ... Это такая шутка. Но у кого-то счастье будет ... Ой, не знаю, счастье, да. Может, где-то и есть оно у кого. А мне кажется - ни у кого его нету. Это я уже говорила, ну да - ещё раз, не грех. А вот кольцо у вас, Валентин Иванович ...

ВАЛЕНТИН. *(Смеётся.)* В ухе? Это мода такая. У нас все так ходят. Мода.

ЛЮДМИЛА. Понимаю. Кавказ. А у нас мода - только для молодых. А неправильно! И пожилым надо тоже модничать иногда.

ВАЛЕНТИН. Я молодой, мне сорок.

ЛЮДМИЛА. И мне тоже. И я молодая. Я вот модное платье купила. Он глазами как сверкает, да? Это я уже говорила. *(Смеётся.)* И правильно, что в ухо. Кольцо, в смысле. *(Чихает.)* Так, так? Я вас слушаю, ну? Я вас поняла, лысый, с кольцом ...

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт, широко разводя руки в стороны.)* “Не такой уж горький я пропойщщщ-а-а! Чтоб тебя-а не видя-а уми-ре-е-еть!!!!”

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся, ест.)* Баба Эля чётко надюдюнькалась!

ЛЮДМИЛА. Зачем вы, Евгений, сказали ей налить? Видите? Стыдно перед людьми. Иди на лавочку, мама! Не наливать ей. *(Повернулась к Валентину. Поправила ляжки, улыбается.)* Да, да, Валентин Иванович, я вас слушаю?

ЭНГЕЛЬСИНА. (*Поёт громко.*) “Помню я ещё молодухой была! Красна Армия в поход куда-то шла! Вечерело! Я сидела у окна! ..”

ЛЮДМИЛА. *(Пауза.)* Всё, мама? Можно, мы будем разговаривать?

ЭНГЕЛЬСИНА. Всё. Можно. Забыла я дальше. Забыла. *(Вдруг - брык! - упала и уснула.)*

ЕВГЕНИЙ. *(Хохочет.)* О, наклюкарилась, баба Эля, о, как - будто её убили!

ВАЛЕНТИН. Ну да. И вот я ушёл к другой. А с той было очень удобно. С первой. Ну и со второй в общем-то тоже, пока давала. В смысле - спали пока с ней. Э-э-э, вот. А та, другая, каждое утро мне - свежую рубашечку, яичницу с помидорами, завтрак, обед и ужин. Главное - свежая рубашечка. Без этого я не могу. *(Смеётся.)* Это я уже говорил. И всё. Забыли про это. Давайте, выпьем, забыли именинницу. *(Громко.)* Бабушка! Поздравляю! Жить стало лучше, жить стало веселее! Дело Ленина живёт и побеждает, ага?

Марксина проснулась, жмёт на игрушку. Все подняли стаканы, чокнулись, выпили.

ЛЮДМИЛА. Вы такой необычный, Валентин Иванович ... Ой, пирог ещё, и салат ... Доченька, помоги мне на кухне. Доченька моя, помощница растёт! *(Идёт на кухню, виляя бёдрами, Анжелика поплелась следом.)*

В комнате молчат. Капает вода в тазики.

ВАЛЕНТИН. *(Шепотом, в лицо Евгению.)* У мамочки походка типа “Я тебя умоляю!”, ага? А дочка - тоже хочет, нет, как она? *(Хихикает, сморкается в большой цветастый платок.)* Я вот посоветую: надо сало кушать много, когда молодуха с тобой, и два стакана в день сметаны - и тогда всё работает - чётко! *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. *(Вдруг серьёзно.)* Что?

ВАЛЕНТИН. *(Чешет нос.)* Я говорю, что знаю на собственном опыте это, хотел поделиться с молодым поколением, чтобы ...

ЕВГЕНИЙ. Что?

ВАЛЕНТИН. *(Помолчал.)* Ну, и как служба?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Да в общем-то, всё чётко. *(Евгений поманил Валентина к себе пальцем, шепотом.)* Я два года был без бабы, до неё. А ты цыганку пробовал?

ВАЛЕНТИН. *(Помолчал.)* Нет.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Закурю?

ВАЛЕНТИН. Кури, то есть - курите, ну да ...

ЕВГЕНИЙ. *(Молчит, смотрит на воду.)* Всё течёт, всё - из меня ... Юмор! *(Хохочет.)*

Анжелика и Людмила на кухне налили из бутылки самогонку в графин, вернулись, поставили графин на стол, сели.

ВАЛЕНТИН. Так вот, дом оставлять нельзя. Уедешь, оставишь, он сразу носом - клюк! - в землю и всё. Хозяйка нужна.

ЕВГЕНИЙ. *(Ржёт.)* Мне счастливый пельмень попался!

Выплюнул в чашку пятак. Людмила хлопает в ладоши.

ЛЮДМИЛА. Поздравляем! Ой, поздравляем! Скромняга какой, зараза два раза, а вот счастье подфартило или подфартит ли, ну да, конечно, обязательно подфартит!

ЕВГЕНИЙ. *(Улыбается.)* Спасибо большое. Спасибо. Большое. Спасибо. Всё чётко.

ЭНГЕЛЬСИНА. *(Поёт под пледом.)* “Ромашки спрятались, поникли лютики-и-и ...”

ЛЮДМИЛА. *(Вздыхнула.)* Пусть она, как радио будто.

ВАЛЕНТИН. Только вот что я хотел сказать сразу. Самый главный тест теперь вам. Сразу хотел вас предупредить, что я в сексе приемлю все способы, кроме одного.

МОЛЧАНИЕ.

ЛЮДМИЛА. *(Улыбается.)* Вы к чему это?

ВАЛЕНТИН. Ну, на всякий случай. Мало ли. Итак, все способы, кроме одного.

ЕВГЕНИЙ. Кроме какого?

ВАЛЕНТИН. Это я не могу сказать вам. Вы молодой, не поймете. Это я только не при всех скажу. А потом скажу, в постели, так сказать. Если она будет. Той женщине скажу, с которой будет. Предупрежу её. А вообще в постели я ... чёткий, все мне говорят.

ЕВГЕНИЙ. Какого способа?

ВАЛЕНТИН. Нет, я не могу сказать.

ЕВГЕНИЙ. Какого?

ВАЛЕНТИН. Я не скажу всё равно.

ЕВГЕНИЙ. Какого?

ВАЛЕНТИН. Это женщина может знать. А вы не можете знать, я ей скажу, она взрослая, а вам - нет.

ЕВГЕНИЙ. Какого?!

ЛЮДМИЛА. Евгений, вас потеряют, ешьте, курите, идите гулять.

ЕВГЕНИЙ. Ну, скажите, какого? Вы же тест задали, вот и говорите? Ну?

ЛЮДМИЛА. Ну, он же не отстанет. Скажите. Если ему любопытно, в нём, может, присутствует человеческий фактор. Ну, что ж тут такого? У меня вот тоже есть недостаток. Я деруся.

ВАЛЕНТИН. В сексе?

ЛЮДМИЛА. В жизни.

ВАЛЕНТИН. Ну, это другое, а у меня - в сексе.

ЕВГЕНИЙ. Ах, так? Тут с нами не хотят разговаривать. Пошли отсюда, Анжелочка.

ВАЛЕНТИН. Постойте! Солдат, стой! Хорошо. Я недорассказал. Да. Я в постели нежный, люблю обниматься. Но я - не целуюсь, вот вам тайна. Раз вы так хотели узнать это. Не целуюсь и всё. Этот способ я в сексе не приемлю и все.

ЛЮДМИЛА. *(Помолчала, улыбается.)* Какой вы романтичный, Валентин Иванович, в вас чувствуется просто избыток человеческого фактора ...

ЕВГЕНИЙ. Ну, загибон. *(Смеётся.)* Пошли, Анжелочка. Привет всем. С поцелуем.

Анжелика и Евгений встали, пошли в коридор, оттуда в комнату, заставленную мебелью. Идут по лабиринту между ящиков, чемоданов.

ЛЮДМИЛА. Видали? Уже сейчас взбрыкивает. А что будет, Валентин Иванович, если поженятся? Мне - смерть. Я задыхаюсь в этой атмосфере непонимания. *(Чихает.)* А ещё аллергия. Эти за стенкой пыхтят всю ночь, прости, Господи. Как с цепи сорвались, как весна началась. Капает. Мыши. Двухвостки. Комары. Радиация. Солдаты. Глина. Баня. Косяки. Обострение. Трамвай. Касса. Мама и бабушка, дочка и - этот ... Ужас! *(Плачет.)*

Людмила и Валентин сидят за столом, негромко разговаривают. Марксина на игрушку жмёт, игрушка пищит. Анжелика и Евгений в комнате напротив, сидят на сундуке у окна. В этой комнате тоже есть балкон. Евгений семечки щелкает, кожуру от семечек в кулак выплёвывает.

ЕВГЕНИЙ. Компашка: три сестры и дядя Ваня. Прямо уписон с ними, угар. Да кто этого гунявого целовать-то хочет, губки бантиком, тоже мне ... Смесь татарина с кобылой. Скажи матери про него, обожгётся ведь, потом поздно будет локти кусать ... Он поселиться сюда хочет. Нету у него дома, сидит, надоело по углам скитаться.

АНЖЕЛИКА. Да прямо что.

ЕВГЕНИЙ. Да криво что. Хочет. Это у него - как у рекламных агентов: фотки запаянные, товар свой показывает, а потрогать нельзя, пока не заплатишь, только смотри, любуйся. А потом купишь - а оно гнилое. *(Смеётся.)* Чего она окрысилась?

АНЖЕЛИКА. Не знаю я.

ЕВГЕНИЙ. Не знаю я. *(Помолчали.)* Я будто виноват в её делах. *(Смеётся.)* Тоже мне.

АНЖЕЛИКА. Ты скоро пойдёшь?

ЕВГЕНИЙ. Надоел? Или ждёшь кого?

АНЖЕЛИКА. Кого жду? Никого я не жду. Просто - потеряют тебя, правда.

ЕВГЕНИЙ. Ты как твоя мама. Не потеряют. *(Достал из-за уха сигарету, закурил.)* Значит, ты с ней не говорила?

АНЖЕЛИКА. Сказала, что ты - серьёзно, хочешь переехать ... Что ещё надо было?

ЕВГЕНИЙ. Нет, всё правильно, я серьёзно, хочу переехать. Ну, не переехать, как этот, без угла который, а потому что у нас с тобой любовь, я тебя люблю, милая моя, солнце.

АНЖЕЛИКА. Да ладно ты.

ЕВГЕНИЙ. Чего?

АНЖЕЛИКА. Да ничего, так.

ЕВГЕНИЙ. Ты не веришь, что ли, моя милая, солнце?

АНЖЕЛИКА. Да сто раз говорили про это. Верю. Вот она уедет если, армию закончишь, переедешь и всё.

ЕВГЕНИЙ. Да куда она уедет? Он - аферюга.

АНЖЕЛИКА. Да мне всё равно. Надоело как всё. *(Смотрит в окно.)*

ЕВГЕНИЙ. Не грусти, моя милая. Всё чётко. *(Смеётся.)* Крышу отремонтируем, у меня прапор-воровайка знакомый, привезёт шиферу из части, это все приданое ихнее выкинем, оно уже погнило, воняет, всё будет чётко. Бабки всё ждут замужа, ага? *(Смеётся.)* Будем чётко жить. Скажи мне, что я твой “милый”, “солнце”, ну?

АНЖЕЛИКА. Что ты всё смеёшься?

ЕВГЕНИЙ. Так. Весело. Хорошо всё, чётко, вот и смеюсь.

АНЖЕЛИКА. *(Помолчала.)* Мамкина знакомая одна уехала в Америку. Была нянечкой у американцев, они тут работали, они её с собой взяли, и она уже два года там, и носа сюда не кажет. Везет людям. Вот и Серёги оба - в Америку, счастливые.

ЕВГЕНИЙ. А что нам Америка? Нам и тут можно сделать Америку. Цветы посадим на балконе, мышей потравим, отремонтируем всё, как надо, и на тебе - Америка!

АНЖЕЛИКА. А я бы куда-нибудь уехала бы. На Кавказ какой-нибудь или в Америку какую-нибудь, что ли?

ЕВГЕНИЙ. Ты к чему это?

АНЖЕЛИКА. Так. Уехала бы и всё.

ЕВГЕНИЙ. Ну, рассопатилась. С чего?

Анжелика смотрит в пол, хлюпает носом. Евгений проследил её взгляд, увидел ленточки белые, которые болтаются у него над тапочками.

АНЖЕЛИКА. *(Улыбается.)* Что это за беленькие веревочки?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Это кальсоны. Ты меня никогда в кальсонах не видела?

АНЖЕЛИКА. Без кальсонов видела. А в кальсонах нет. Ты же всё время бегом-бегом.

ЕВГЕНИЙ. Скоро будет медленно-медленно! *(Смеётся.)* Когда уже в армии трусы введут, эти вот не сексуальные, с лялочками.

АНЖЕЛИКА. А?

ЕВГЕНИЙ. Не сексуальные, говорю. Мужик должен быть сексуальным, понимаешь?

АНЖЕЛИКА. *(В окно.)* А то.

ЕВГЕНИЙ. Кальсоны. Ага. Я, вроде “дембель”, мог бы и в трусах, а я - как “молодой”, в кальсонах. В них теплее. “Стариком” так хорошо быть, чётко вообще. А пока - в кальсонах. “Черпаки” носят тоже трусы. Летом говорят выдадут трусы всем, будет приказ по армии, чтобы все и зимой, и летом - носили трусы. И “салабоны”, и “черпаки”, и “старики” - все в трусах чтобы ходили, только в трусах, исключительно все.

АНЖЕЛИКА. Слушай, чего ты про эти трусы завёлся, а? Больше сказать нечего?

ЕВГЕНИЙ. А про что сказать? Начинай ты, раз про трусы неинтересно, тоже мне.

АНЖЕЛИКА. Ну, не про трусы же говорить надо? Что-нибудь красивое такое бы. *(Смотрит в окно.)* Я вот всегда в детстве думала, что дым из печки - это облака. Окна почему как крест на всех домах? Рамы - как крест, а?

ЕВГЕНИЙ. Прямо что. *(Лезет целоваться.)* А тебе сколько в натуре, я всё не спрошу, а?

АНЖЕЛИКА. *(Отвернулась.)* Сто, как бабке. Отвали. Уйди уже. Спрашивает, главное, одно и тоже: нитки-иголки, то, да сё. Ну, иди, или сиди, или расскажи что-то.

ЕВГЕНИЙ. Что?

АНЖЕЛИКА. Ну хоть что-то. Про свою прежнюю жизнь расскажи. Про свою будущую. *(Говорит: “Будущую”.)* Расскажи, как мы жить будем, что делать будем. Ой, горе.

ЕВГЕНИЙ. Да что за горе-то? Разгорькалась прямо. Лучше ты скажи: у тебя много парней до меня было?

АНЖЕЛИКА. *(Повернулась, смотрит Евгению в глаза.)* Опять за рыбу деньги? Я тебе сказала: никого не было. И ты меня взял девушкой, сам знаешь.

ЕВГЕНИЙ. Откуда я знаю, девушка ты была или нет? Легли и поехало. *(Смеётся.)*

АНЖЕЛИКА. Вот, здарсьте. Ты ж говорил: ты большой специалист по женскому вопросу, что ты - ходок, что у тебя - море их было. Врал?

ЕВГЕНИЙ. Прямо что, море. Одна только была. Тоже в армии. Видишь, как я честно тебе? Там у нас на кухне работает одна тётка такая, средних лет. Она где-то тут живёт, и мы в наряд на ночь ходим как на кухню, так она со всеми спит. Видишь: я честно.

АНЖЕЛИКА. Ну и дальше?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Ну, и дальше. Она всегда всем давала и даёт. А после встаёт, отряхнется, красится и говорит: “Спасибо, мальчики, спасибо”. Ну, раз её никто не удовлетворяет, тут, в городе, она только солдатам нужна.

АНЖЕЛИКА. Вон как. И ты - с нею?

ЕВГЕНИЙ. Один раз. А потом только всё время с тобой. А что? Я честно сказал - раз, а потом это же так, для организма, это же не всерьёз - два.

АНЖЕЛИКА. Для организма?

ЕВГЕНИЙ. Для организма. *(Пауза.)* Дак у тебя были до меня?

АНЖЕЛИКА. Иди, а? Организма. Каких-то старух по кухням собирает. Сам взял меня девушкой, а теперь ... Ведь видел? Простынь была в крови, я ж показала спецом?

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* А я знаю, почему она в крови была?

АНЖЕЛИКА. Ну, спроси у кого-то, кто знает. И всё. Иди.

ЕВГЕНИЙ. Ты чего, приревновала, что ли? Ну, что ты сегодня дерьгаешься?

АНЖЕЛИКА. Иди, устала, “дерьгаешься”.

ЕВГЕНИЙ. А играть не будем? Давай, дверь закроем и поиграем быстренько, а?

АНЖЕЛИКА. Ну, прямо что. В другой раз. У меня - “больные дни”.

ЕВГЕНИЙ. А это чего такое?

АНЖЕЛИКА. Не знаешь? Ну, спроси у кого-то, кто знает, а я тебе не медицинское училище. Бессовестный ты. Вот как заговорил, видишь? Говорит: не видел простынь, бессовестный. Сам со старухами. *(Заплакала.)* Насмотрелась я на девушек, что вокруг живут. Вот так же вот их обманывали. *(Говорит: “Обманывали”.)* А потом - кидали.

ЕВГЕНИЙ. Я серьезно. И ты напрасно ... Поженимся, да.

На балконе солдаты чистят снег, один солдат заглядывает в окно, стучит по губам пальцами.

АНЖЕЛИКА. Чего он?

ЕВГЕНИЙ. Закурить просит. Нету! *(Евгений встал, задержал шторм.)* Ну, давай, а, быстренько?

АНЖЕЛИКА. Сказала - нельзя мне! Иди. Тебя в части потеряют.

ЕВГЕНИЙ. Ты чёткая девочка. У тебя так губки напухают, когда ты расстраиваешься, прям я торчу ... *(Расстёгивает штаны.)* Давай, быстренько, ну? Ну, дай помазать, а? Ну, я намакиваю тебе насчёт этого самого, не поняла, нет?

АНЖЕЛИКА. Да не буду я. Ступай, а? Ну, иди, а? Иди. А то прямо что все удовольствия ему - поел, попил, теперь давай быстро ему ещё чего сделай. Иди.

ЕВГЕНИЙ. *(Молчит.)* Зачем ты так жестоко, милая солнце, со мной? *(Застегнул штаны.)* Да ладно, пойду. Только вы гоните этого. Мать-то ведь пройда у тебя, видит всех ...

АНЖЕЛИКА. Видит. Иди.

ЕВГЕНИЙ. Пойду. *(Пауза.)* На КПП сегодня наши ребята дежурят, я там оставил “гражданку” свою у них, я притащу её тебе сюда, тут много барахла, пусть лежит, а? Я сбегая быстро, принесу? Ну, чтоб ты не думала, что я непостоянный или другую девушку найду. Нет. Не найду. Любовь до гроба, милая радость, солнце. В самоволку ходить, “гражданка”, чтоб патрули не докапывались, а? Принесу? А то в “каптерке” найдут, придерутся. Милая моя! Я мечтаю, как скоро сниму с себя эту фигню и мы пройдемся с тобой по улицам, чтобы всё у нас было бы - чётко. Можно? Тут так много всего, мой портфельчик не помешается. Можно? Чтоб уж, начать, так сказать, а?

АНЖЕЛИКА. Чего начать?

ЕВГЕНИЙ. Ну, нашу совместную жизнь.

АНЖЕЛИКА. Ну, тащи, чего скажешь-то? Тащи. О, горе.

ЕВГЕНИЙ. Да что, что?! Смотри, я какой: я ведь не принёс без спроса, спросил - теперь принесу. Там у меня трусы есть, кстати.

АНЖЕЛИКА. Ну и чего?

ЕВГЕНИЙ. Ну, ты же говорила, что тебе чётко, когда я в трусах. Для меня желание дамы - закон! *(Смеётся.)*

АНЖЕЛИКА. *(Вздыхнула.)* Опять смеётся чего-то. Тебе зубы надо чистить чаще, раз ты так смеёшься много, а то они у тебя нечистые.

ЕВГЕНИЙ. Понял. Конечно, буду, милая. Чаще буду, дорогая. У меня там и зубная щётка есть. В портфельчике. Трусы, и зубная щётка, и гражданка.

АНЖЕЛИКА. Тащи сюда свои трусы.

ЕВГЕНИЙ. Я пойду. Пойду - туда и назад. Быстро. Я в “самоволке”, мне к отбою надо в казарму. Вечерняя поверка.

АНЖЕЛИКА. Давай. Я устала сильно, спать лягу хоть потом.

ЕВГЕНИЙ. Да, да, у тебя “больные дни”. Ты меня прости, милая, но ещё проблема одна, да? Ребята у меня просили пузырёк, отметить, праздник. Ты мне отольёшь оттуда немного, да? Чтобы только мама не знала, да, радость моя? Они мне все в роте так завидуют, что у меня девушка в городе есть. С хатой, чёткая такая! Отольёшь?

АНЖЕЛИКА. Да отолью. Иди. Придёшь - дам. Иди, а?

ЕВГЕНИЙ. Я быстро! Радость моя! Солнце! *(Вышел в коридор, надел шинель, сапоги.)* Я тебя даже не поцелую, раз у тебя “больные дни”, ага?

Потряс руку Анжелике. Ушел. Она стоит у дверей, молчит.

АНЖЕЛИКА. *(Бормочет.)* Как ты меня заколебал: милая, солнце, радость, говнюк такой ...

Зашла в комнату, где стоят вещи, достала из-под кровати бинокль, смотрит в сторону бани.

Людмила и Валентин сидят за столом. Молчат. Людмила слёзы вытирает.

ЛЮДМИЛА. ... А вокруг городка и нас - эти домики деревянные: цыганский посёлок. Цыганки не живут в благоустроенных домах, а только в таких, потому что они громко разговаривают и их слышно сквозь стены. Да. Вот они и живут тут. Весь криминалитет собрался. Оружием торгуют, по-моему. А цыганки - наркотиками и самогоном. Как жить, Валентин Иванович? Простите, что жалуюсь. Мне бы вот с кем сговориться, чтобы отойти, в мир иной, так сказать. Я уеду, что ж я себя в гроб кладу? Тише, все, бабушка, молчи, мама тоже! Они спят, забыла. Валентин Иванович, посоветуйте, а?

ВАЛЕНТИН. Что сказать? Тут проблема во мне, с этой болезнью. То есть, мне надо, чтобы моя женщина была бы всегда со мной рядом. Я ведь со своей болезнью даже в больничке лежал. Грубо выражаясь - в дурке.

ЛЮДМИЛА. *(Улыбается.)* Ну и что? Да сейчас кругом одни дураки, всех в дурку надо.

ВАЛЕНТИН. Как-то всё равно, неполноценный, что ли.

ЛЮДМИЛА. Да ну, Валентин Иванович, не болтайте. Здоровый, красивый мужчина, по вам все женщины сохнут, а вы такие вещи говорите.

ВАЛЕНТИН. Насмотрелся там, в больнице. Всем уколов понаставят, чтоб спали, а они все - просто вповалку друг с другом секс устраивают, содомия какая-то и Гоморра.

ЛЮДМИЛА. Бедный, натерпелись вы, а?

ВАЛЕНТИН. И ещё. Я очень боюсь умирать. Знаете, думаю: как было бы хорошо, если бы наш день смерти был бы определен ...

ЛЮДМИЛА. *(Улыбается.)* Какие-то вы странные вещи говорите, Валентин Иванович ...

ВАЛЕНТИН. Нет, я серьёзно. Да, чтобы мы знали: ага, завтра-послезавтра уже помирать. Вот родился, к примеру, а в роддоме мамка моя лежит и беседует с другими женщинами: “Да, мне повезло, мой до восьмидесяти, а ваш?” “А мой скоро помрет, в двадцать лет.”

“Ну, плохо, да что поделаешь,” - и вот обсуждают и никто не думает, что это плохо, а что это нормально, что так должно быть и никак иначе, и так живут, и ждут дня своей смерти, спокойно ждут, готовятся и никто не думает, что она придет раньше. Паспорт выдают - а там написано, когда помирать.

ЛЮДМИЛА. *(Улыбается.)* Какой вы романтичный, необычный, Валентин Иванович, я таких людей просто никогда в жизни не встречала ...

Молчат. Валентин погладил Людмилу по руке. Она смотрит ему в глаза, улыбается.

В тапки капает вода. Возня, писк: то ли на крыше, то ли под полом. Солдаты снег с крыши бросают, один залез на балкон, лопатой снег чистит, смотрит на Валентину и Людмилу, кричит:

СОЛДАТ. Закурить не найдется?

ЛЮДМИЛА. Некурящие спортсмены тут живут! *(Захлопнула форточку, задернула штору на окне.)* Дала бы вам закурить. Гроздьями, кистями на деревьях висят, коты, скоты.

ВАЛЕНТИН. Я с вашего позволения - в туалет на секундулечку ...

Людмила сидит за столом, Валентин пошел по коридору. Анжелика вышла из другой комнаты. Столкнулась в коридоре с Валентином. Молчат, смотрят друг другу в глаза. Валентин вдруг хмыкнул, прижал Анжелику к стенке, полез под юбку, принялся её тискать, целовать. Анжелика хихикает, ойкает, но не сопротивляется.

Людмила собрала посуду со стола, пошла на кухню, видит Валентина и Анжелику.

МОЛЧАНИЕ.

Людмила кинула посуду на пол, развернулась, пошла в комнату, взяла портфель Валентина, роется в нём. Валентин и Анжелика бегут в комнату.

ЛЮДМИЛА. Где у тебя марганцовка тут?

ВАЛЕНТИН. Что?

ЛЮДМИЛА. Марганцовка где, где?! Где медицинский инструмент?!

ВАЛЕНТИН. Какой инструмент? Стойте, я объясню!

Людмила отдернула штору, отодвинула диван, на котором спит Энгельсина, вышла на балкон, открывает портфель, вытряхивает его содержимое на деревья. Из портфеля летят трусы, носки, повисли на сломанных ветках березы у окна.

ЛЮДМИЛА. *(Бормочет.)* Да японский твой городской, да эти вашу маховку, да едрит твою налево и направо, да распроектную, да распроедритную!!! Да то, да потому, да сколько же, ну, исключительно мне всё, всё мне, а?! Ну вот, вот, вот, я же говорила!

АНЖЕЛИКА. *(Кричит.)* Мама, не бей меня! Бабушки, вставайте, мама опять начинает! Он виноват, он!

ВАЛЕНТИН. *(Причёсывает волосы.)* Вы сами, неправда, она захотела этот способ секса, что вы сделали, там мои трусы, носки, бумаги отдела развития, пресс-релизы ...

Людмила взяла пылесос, включила, стала комаров со стен собирать. Бросила пылесос. Сняла, не стесняясь, платье, надела халат, пошла в ванную, смывает косметику. Старухи спят.

ЛЮДМИЛА. Всё мыло мыши съели. Умыться нечем ...

АНЖЕЛИКА. Это он, я тут не при чём!

ЛЮДМИЛА. *(Прибежала в комнату, выскочила на балкон, кричит.)* Тут живёт блядь, идите все сюда, скорее!

Валентин тянет её за руку с балкона в комнату.

ВАЛЕНТИН. Вы простудитесь, там солдаты, не мешайте им, они в наряде ...

ЛЮДМИЛА. Люди!!! Тут живёт блядь!

АНЖЕЛИКА. Мама, не бей меня!

ЛЮДМИЛА. Я его на секунду оставила, а он? А она?! Взапас с ней целоваться. Да? Это что за бледешка такая выросла, а, мама, баба, посмотрите, как вы её воспитывали, чему, почему, ну? Это что за потаскушка выросла, а?! *(Марксина и Энгельсина спят.)*

АНЖЕЛИКА. Я не виновата, это он, не бей меня!

ЛЮДМИЛА. Я гляжу, доченька, ты без пиздюлей каждый день, как без пряников ... Я ж его хотела, я же с ним хотела ...

ВАЛЕНТИН. Я только поцеловал её. Я ведь понял ваши намерения и поцеловал её, как отец целует дочь. И всё. Будущую дочь. Так что мы с вами - как договаривались, да? На Кавказ, нет? Я вам делаю в присутствии вашей мамы, бабушки и дочки - официальное предложение ... Подумайте, я ведь всё-таки в отделе развития ...

ЛЮДМИЛА. Отстёгивай, отдел развития, зубы заговорил, доразвивался! Дура я! Я ж таких, как он, пачками вижу каждый день у кассы, я же их распознаю, как я польстилась, зачем я его кормила, сколько он сожрал, зачем, почему, отчего?!

ВАЛЕНТИН. Слушай, Люда, сядь, мы спокойно поговорим, обсудим ...

ЛЮДМИЛА. Люда?! Я тебе покажу сейчас Люду, Валя! Я тебе такую Люду сейчас покажу, что ты на всю жизнь запомнишь, что я - Людмила Петровна, а фамилия у меня - Ромашкина!

Взяла тазик с водой, вылила на Валентина. Валентин вопит, Анжелика тоже. Спрятались за дверь в той комнате, где мебель. Орут из-за двери. Звонок в прихожей, Людмила кинулась к двери, открыла. На пороге - Евгений, запыхался.

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Извиняюсь. Я к Анжелке вот. Я гражданку принес. Портфельчик вот. Анжелка разрешила.

АНЖЕЛИКА. *(За дверь.)* Разрешила, да, мама, разрешила, не бей его, мама, успокойся, Евгений убегай скорее, она убьёт!!!!

ЛЮДМИЛА. Разрешила она тебе? Слушай, все с портфелями ходят, такие все стали деловые, а? У тебя там тоже марганцовка, нет? Смеёшься всё? Теперь я смеяться буду! Послушай, я тебе расскажу сказку про Красную Шапочку, она выросла и круче Волка стала, она такая стала, вот какая она стала! Кушает, хрумкает всех подряд!

ЕВГЕНИЙ. *(Смеётся.)* Всё чётко, я понял сказочку, я - гражданку принёс...

ЛЮДМИЛА. Понял сказочку? Ну, смейся, а я дальше расскажу ...

АНЖЕЛИКА. *(За дверь.)* Женечка, Женьшеньчик, уйди отсюда, уйди сюда, она убить может ... *(Выскочила в коридор, оттолкнула Людмилу, вдёрнула Евгения в комнату, втроём держат дверь.)*

ЛЮДМИЛА. *(Визжит, колотит в дверь ногами.)* Женьшеньчик, слушай сказочку дальше: ей двадцать три, а не восемнадцать, гулять начала с четырнадцати, а последний раз я её застукала с моим последним мужем! Ведь блядь - она блядь во всём, у неё рамок нет, человеческого фактора - тоже! Понимэ?! Вот точно так же застукала её, как только что с этим, который говорил: в сексе не приемлю кой-чего! Врёт! Приемлет! Практикует!

ЕВГЕНИЙ. Да в чём дело-то?

ЛЮДМИЛА. А позавчера этот самый мой последний муж сюда пришел, и устроил битву! Просто так, на память! Женьшеньчик, смейся теперь!

АНЖЕЛИКА. Закрой рот, вчерашнее харево остынет!

ЛЮДМИЛА. Слыхали, нет, как умеет девочка-школьница? Женьшеньчик, я их только что застукала - запрещённый метод в сексе испробовали! Понимэ, нет?!

ВАЛЕНТИН. *(Кричит.)* А вы самогон гоните, вот так!

ЕВГЕНИЙ. *(Евгений открыл дверь, вышел в коридор.)* С кем кто целовался? Кто, как?

ЛЮДМИЛА. Задом крик! А вот так! Она взасос целовалась - с этим!

ЕВГЕНИЙ. С кем?

ЛЮДМИЛА. С этим мышинным жеребчиком, с окольцованным, околдованным!

АНЖЕЛИКА. Женьшеньчик, тут мышка бежала, и я за него спряталась просто напросто, прижалась, потому что страшно, потому что ...

ЛЮДМИЛА. Мышка?! Нет, крысы, крыски, двухвостки, змеюги тут у нас водятся!

ЕВГЕНИЙ. Милая моя, это неправда?

ЛЮДМИЛА. Правда! Потому что пишется “Ливерпуль”, а читается “Манчестер”!

АНЖЕЛИКА. Ну что ты разоралась, не позорься!

ЛЮДМИЛА. Ты - на мать так?! Ты забыла, что я кулаком быка с ног валю?! Ну, сейчас - успевайте ловить мгновение! Я вскипела. Против русской монтировки не помогут тренировки! Все, кто хотел сюда переехать, тут помрут сейчас! Мёртвые не потеют!!! Двое из ларца, одинаковых с яйцами: я говорила вам, что употребляю один способ в жизни - деруся, убиваю всех?! Получайте! Атаас, сюда бежит матрас!!! *(Людмила схватила Евгения за волосы, тащит в коридор, Евгений вопит.)* Поубиваю!!!! Убью!!!! Поубиваю-у! *(Анжелика визжит за дверью, Валентин тоже, вырвали Евгения, втащили к себе, держат дверь. Людмила колотит в дверь ногами.)* Откройте, я вас поубиваю!

ЕВГЕНИЙ. Она ударила солдата! Она ударила русского солдата! Она на “дембеля” руку подняла! Я сейчас сюда роту подниму! Это правда, Анжела?!

АНЖЕЛИКА. *(Плачет, визжит)* Он поцеловал меня как дочь!

ВАЛЕНТИН. *(За дверью.)* Я её - как дочь!

ЛЮДМИЛА. Понял, Красная армия? Он её как дочь у меня под боком пежить собрался. Хорошо, ага? А-а-а-а-а!!!!

Людмила побежала в комнату, схватила вилы, бежит в коридор, колет дверь. Бросилась назад в комнату, хватает картошку, банки с рассадой, кидает в Евгения, Валентина, которые пытаются в приоткрытую дверь что-то сказать.

Входная дверь отворилась, на пороге два высоких плечистых парня, в коже - куртки, штаны - с ног до головы, в тёмных очках. Улыбаются. У одного в руке чемодан, у другого - магнитофон.

СЕРЁГА ПЕРВЫЙ. Привет, жмурики. Воюете? Пируете как всегда? А мы поехали.

СЕРЁГА ВТОРОЙ. Ой, здравствуйте, мужчины! А мы кони двигаем от вас! Чао, бамбины! Давайте, стол сюда, в коридор, гулеванить, отходную, дембельскую праздновать!

СЕРЁГА ПЕРВЫЙ. Быстрей, кончайте драться, у нас времени в обрез! Нам ещё пёрышки почистить, собраться! Так что, простимся по-людски и быстро! *(Хохочет.)*

СЕРЁГА ВТОРОЙ. Ну?! Прощайте, однодырошники, русский народ! Поехали, погнажи! Короче, Скифософский! Блинк, блинк! - глазками! Чего блинькаете? Стол сюда, скорее, ну?!

СЕРЁГА ПЕРВЫЙ. Ой, мама! Америка, мир в клеточку, опупеоз! Мы жратвы, выпивона, закусона - море принесли! Погнажи, жмурики!!!

Хохочут. Серёга Первый включил магнитофон, орёт музыка. Серёга Второй открыл бутылку шампанского, она выстрелила в потолок пробкой. Вываливают из чемодана на пол коридора кучу пакетов, свёртков, еду в разноцветной упаковке, выставляют дорогие бутылки с вином и водкой. Людмила застыла с вилами в руках. Анжелика, Евгений, Валентин выглядывают в дверь. Энгельсина проснулась, включила телевизор на всю громкость, орёт “Санта-Барбара”. Марксина игрушка в руках мнёт, игрушка пищит. Энгельсина смотрит телевизор и поёт:

ЭНГЕЛЬСИНА. “Главное, ребята, сердцем не стареть! Песню, что придумали - до конца допеть!!!!”

Вода с крыши в тазики капает. Людмила села на стул, плачет. Орёт музыка, парни танцуют, носятся по квартире, тряпье в чемоданы скидывают.

Темнота

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Поздний вечер. Тихо стало. Напились, надрались, наорались - уснул весь дом. Только собаки выть стали, да солдаты в бане наяправляют себя вехотками, моются, смеются, по бане бегают. В квартире перестало капать с потолка. И мыши не шевелятся почему-то, тихо.

Людмила сидит на диване, гладит спящую Энгельсину, в окно смотрит, слёзы вытирает. Марксина не спит, игрушку в руке зажала, смотрит в темноту широко открытыми глазами, что-то тихо бормочет. Валентин спит на раскладушке на кухне - там темно. Двери в коридор из всех комнат открыты, в ту комнату, где квартиранты были - тоже. Видны следы поспешного отъезда: на полу бумага, разноцветные пакеты валяются. Свет горит только в коридоре, освещает стол, который вытащили из комнаты. На столе - остатки пиршества, грязные тарелки. Вокруг стола - разбросанные стулья, пустые бутылки.

Анжелика и Евгений в той комнате, где вещи, сидят на сундуке, в темноте. На полу - графин с самогоном, тарелка с едой.

АНЖЕЛИКА. *(Улыбается, смотрит в тёмное окно.)* Хорошие были парни. Жалко их. Я с ними болтала, курила на кухне и в подъезде. Такие смешные. Уехали. Америка! А чего? Они там потанцуют и долларов заработают, и будут жить.

ЕВГЕНИЙ. Ты ещё и куришь? Ну, чётко!

АНЖЕЛИКА. Я ещё и курю. Тебе-то что? Ступай в свою роту уже. *(Наливает, пьёт.)*

ЕВГЕНИЙ. Постой. Давай, заново, с начала.

АНЖЕЛИКА. *(Хохочет.)* Да прямо что. Нужен ты. Такого добра - найдём.

ЕВГЕНИЙ. Ишь, как заговорила. Я к тебе со всей любовью, а ты?

АНЖЕЛИКА. *(Смотрит в окно.)* Какие хорошие были. Два Серёги. Оба с кольцами. Я ему говорю: “Серёга, а чего это у тебя кольцо?” А он страшные глаза сделал, смеётся и говорит: “У меня не кольцо, а серёжка! В честь моего друга Серёжки у меня серёжка! Потому что мой друг Серёжка помер, и, если кто слово скажет - тот пойдёт к Серёжке на небо, вот так!” *(Хохочет.)* И всё переживал, что у них в комнате окна не на солдатскую баню выходят! Смешные были. Жалко. Америка, да. Какие хорошие, а?

ЕВГЕНИЙ. Они пидерштейны. Пидерштейны везде своё чётко заработают. Мафия “голубая” кругом, я знаю, по телевизору много раз говорили - мафия. Ноги бы им пообрывать, вот! Хотел я им сразу в рожу дать, да потом передумал, ладно - думаю.

АНЖЕЛИКА. *(Вздыхнула.)* Дурак же ты. Какой ты дурак, а? Почему такой дурак на свете живёт? И трус. Ты же всё жрал, что они притащили, всё пил, а теперь ... Ты же с ними сидел в обнимку, пил на прощание, разговаривал, спорил, кто лучше - баба или мужик, а теперь вдруг - на? Ну, человек, а? *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. Я с ними говорил, потому что мне надо было выпы-ты-тать.

АНЖЕЛИКА. Да чего выпы-ты-тать-то?

ЕВГЕНИЙ. А может, они - наймиты капитала. Они - шпионы американские и хотят секреты про наш городок про военный увезти с собой в Америку, про установку “Град” про мою, поняла?

АНЖЕЛИКА. *(Смеётся.)* Да прямо что. Да кому твоя установка “Град” нужна? Задницу подтереть разве что.

ЕВГЕНИЙ. Нужна! Всем нужна! Тебе тоже не скажу. Ты тоже, может, шпионка, шпионша, вот так, да! Казачок-то засланный, так, нет? Конечно!

АНЖЕЛИКА. Трусытина ты. Ты только за глаза можешь твякать.

ЕВГЕНИЙ. Кто - я? Я?!

АНЖЕЛИКА. Ты. Смесь шакала с зайцем ты.

ЕВГЕНИЙ. Мы ещё чётко с тобой потом поговорим на эту тему.

АНЖЕЛИКА. Поговорим, ага. Думаешь, боюсь тебя? Прямо что. Я тут таких видела-перевидела, Женьшеньчик, не тебе чета.

ЕВГЕНИЙ. Пьяная стала.

АНЖЕЛИКА. Пьяная, да соображаю. И имей в виду: я мамкина дочка, вся в неё, гены у меня от неё, так что - рука у меня тяжелая, характер ндравный, смотри! *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. Чего ты всё смеёшься?

АНЖЕЛИКА. А чтоб ты спросил.

ЕВГЕНИЙ. Чего смеёшься, говорю?!

АНЖЕЛИКА. Чего? А того, что много у нас диговин, каждый бамбук - Бетховен.

ЕВГЕНИЙ. Отвечай, сказал?!

АНЖЕЛИКА. *(Смеётся.)* “Нищё не знаю, технишкой работаю!”

ЕВГЕНИЙ. *(Помолчал.)* Она дура, твоя мать, поняла? Дура набитая!

АНЖЕЛИКА. Ты ещё раз пискни на мою мамку, я тебе бошку скручу. Первое предупреждение сделала. Ты мою мамку не знаешь, про нашу жизнь ничего знать тоже не можешь, про всё, что с нами было - тоже, так что - убейся веником, Женьшеньчик.

ЕВГЕНИЙ. Она же тебя бьёт.

АНЖЕЛИКА. Пусть бьёт. Заработала.

Курит, пьёт. Достала из-под кровати бинокль, смотрит в сторону бани. Евгений пьяно мотает головой, стучит кулаком по колену.

ЕВГЕНИЙ. Ты что делаешь?

АНЖЕЛИКА. Я же шпионка. Я высматриваю военные тайны, в бане они все - видны сразу, все - нагишом! *(Хохочет.)* А что, ничего, глянь, есть кое-что тайное, любопытное, интересенькое, о, вот этот какой хорошенький, а? Это грузин, что ли? Вот это установка “Град”, так “Град”! Какой-то новый, я его не знаю ... Ну-ка, посмотри, скажешь мне, как его зовут, может - ты его знаешь? Надо его закадрить, а?! *(Смеётся.)* Ну, ты какой-то не такой, пипку трогаешь рукой! *(Умирает со смеху, смотрит в бинокль.)* Ну, на, посмотри, а? Не хочешь?

ЕВГЕНИЙ. Сама смотри.

АНЖЕЛИКА. Я и смотрю. Каждый вечер, как на службу.

ЕВГЕНИЙ. Жертву отслеживаешь, шпионша?

АНЖЕЛИКА. Ага. Жертву. *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. А ну хватит, перестала быстро!

АНЖЕЛИКА. Сейчас, для тебя, шварка, расстаралась.

ЕВГЕНИЙ. Не стыдно тебе?

АНЖЕЛИКА. Не парь мне мозги. *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. Бесстыжая. Как скрывалась, когда дружили. А оказалось: она и с этим - взасос, и туда - смотрит, и с американскими шпионами, с пидерштейнами - дружила, всё про них знала, а молчала, матери не говорила.

АНЖЕЛИКА. *(Хочочет.)* Я же разведчица, сам говоришь. Вот и скрывалась. А потом - ты хотел чистую деревенскую любовь: “- Щё? - Да нищё. - Милая, радость, солнца моя!” Вот и получал.

ЕВГЕНИЙ. Бессовестная. Стоит и смотрит.

АНЖЕЛИКА. Бессовестная. Стою и смотрю. Чего ты бивнем упёрся, я не поняла? Да отвали, накройся медным тазом. Смотрю и смотрю, кого волнует?

ЕВГЕНИЙ. А зачем смотришь? Нет, ты мне объясни, зачем ты туда смотришь, бесстыжая?

АНЖЕЛИКА. А нравится мне смотреть на них на всех, Женьшеньчик. Красиво. Красота какая-то. *(Улыбается.)* Много парней, все весёлые, все смеются, все голенькие, все одинаковые-одинаковы: городские, деревенские, все твои друзья “черпаки”, “дембеля”, “салабоны”. Все! Уйдут из армии, поедут по домам, переженятся, а их жены знать не будут, что я их всех голых видала, и знаю у них самую главную военную тайну, понимаешь? Надо же, каждые полгода новых привозят. Да хоть бы раз привезли что-то доброе, а то ведь всё - навоз, всю пенку собирают, где попало, соберут в городок, сюда скинут и - нате, бабы, жрите.

ЕВГЕНИЙ. На говно какая муха прилетит? Только навозная!

АНЖЕЛИКА. Сам ты навозное насекомое.

ЕВГЕНИЙ. Поговори мне.

АНЖЕЛИКА. *(Молчит, смотрит на Евгения.)* Слушай, дембелёк, ты бы хоть раз спросил: кто я, что я. Как влюбился в эту квартиру зелёную, и всё - только одно трундит: “Милая моя, радость моя, солнца моя!” Слушай, а у вас хоть в деревне электричество есть или нету?

ЕВГЕНИЙ. Попонадсмехайся ещё надо мной.

АНЖЕЛИКА. *(Смеётся.)* Попонадсмехаюсь. Ты в каком американском кине такие слова видел, ну? И что ты про меня, “милую солнцу”, знаешь?

ЕВГЕНИЙ. Я с тобой от души разговаривал, а не из-за квартиры. Потому что ты хорошая.

АНЖЕЛИКА. Я-то? Ого-го какая хорошая. Ау! - прямо. *(Смеётся.)*

ЕВГЕНИЙ. Давай, я тебе всё прощу. Бинобль выкинем. Этого, как проснётся, выгоним. И будем жить, ну? Милая моя. Хорошая моя, солнце, так хорошо мы про нашу жизнь будущую придумали, а? Давай, а?

АНЖЕЛИКА. Я ж курю.

ЕВГЕНИЙ. Ну и что. Отучим. Ты ж не в затяг куришь.

АНЖЕЛИКА. Выпиваю.

ЕВГЕНИЙ. Тоже ерунда. Вылечу.

АНЖЕЛИКА. Гуляю. Люблю гулять.

ЕВГЕНИЙ. Разлюбишь.

АНЖЕЛИКА. Нет уж, лучше не курить и не пить. *(Смеётся.)* Вот, слушай. Я тут в подъезде всем нагадила. Брала окурки, когда курила на лестнице и одной манде старой - с клюкой ходит - под коврик засовывала, потому как она меня обозвала раза три, что я дверь

не закрыла в подъезде. Ну вот, насовала ей чинариков и наплевала на дверь. Она утром так орала на весь подъезд, на всех, а на меня даже палкой своей замахнулась, так я её зажала в углу и сказала ей тихо-тихо, прямо в глаза: “Я тебя убью, падла старая,” - и она - как отрезало - на меня твякать перестала. *(Смеётся.)* Вот я какая. А ведь и правда - убила бы. Я могу. Я - такая. Смешно, правда? Хочешь, и тебе так скажу, чтоб ты дорогу сюда забыл? Скажу в глазки твои узенькие, ну? Хочешь?

ЕВГЕНИЙ. Я говорю: начнём заново, ну? Слышишь меня?

АНЖЕЛИКА. Начнём. Только я должна тебе рассказать одно дело. Чтобы ты про свою будущую жену знал что-то. Пьяная я, пирую - чего бы и не поболтать с мальчиком, да? *(Смеётся.)* Ма-альчик! Хорошенький! Прямо как эта установка “Град” из ба-ани! *(Пальцем ведёт по животу Евгения, хихикает.)* Хоро-ошенький, а дурак. Здоровенный бугаина вырос, на парном молочке, на навозе выращивали, масёл, масса, сундук с клопами, толстозадый ... Только вот в постели ничего не умеешь, а мне нельзя было перед тобой свои знания показывать, я ж за тебя взамуж хотела ...

ЕВГЕНИЙ. Бессовестная, про простынь придумала ...

АНЖЕЛИКА. *(Хохочет.)* Да думаешь, тебя, лоха, обвести трудно? Прямо что. Ладно, слушай. Я, милый мой Женьшеньчик, изучаю жизнь. Людей. Всё почти изучила. Всё знаю про всех. И вдруг, знаешь, недавно я поняла: всё туфта, милый, всё, всё, вот все эти наши беседы, крики, драки, оры, скандалы - всё это такая туфта, всё это такое неважное, ерундовое, что ты, моя милая солнца, даже себе представить не можешь ... *(Встала, смотрит в тёмное окно, на улицу.)* Всё чушь собачья, всё ерунда на свете белом и не главное, всё, всё ... А знаешь, что главное? Главное вот что - когда ты идёшь по улке в новом пальтишке, в шапочке вязаной, в сапожках на каблуках, идёшь, летишь, и вдруг - навстречу тебе идёт мальчишка красивый. Он видит тебя и - улыбается, а ты ему, и - всё, понимаешь? Он пробежал, исчез, а я иду, а его улыбка со мной - и это главное, мой милый Женьшеньчик. Только это. Только улыбка, взгляд прохожего на улице, когда он, встреченный тобой, дует на свечку, тушит лампу, дует на свечку, тушит лампу, дует на свечку, и в темноте становится вдруг страшно, так страшно, так страшно, так страшно, но он снова зажигает свечку, включает лампу, свечечку маленькую - чирк! - спичкой, лампу маленькую - щёлк! - включателем, а потом снова дует на свечку, и опять зажигает свечку, и опять - то страшно, то нестрашно, то страшно, то нестрашно ... *(Мотает головой, плачет.)*

ЕВГЕНИЙ. Кого?

АНЖЕЛИКА. Или в трамвае я стою, а он, мальчик молоденький, свежий, с пухом на щеках, впереди меня, держится за поручень, смотрит в окно, а я смотрю на его ухо розовое, и думаю: если б не было запрещено, а разрешено прикасаться к кому хочешь, кто понравился, то я бы сейчас пальчиком тронула его ухо, потом пальцем его щёки, розовые губки, шею, и тихо целую его, прижимаюсь к груди и опять целую его, так целую сильно, а он мне в ответ - улыбается, губами только, не смеётся, а улыбается, и я у него на груди засыпаю, и мы улыбаемся друг другу - до следующей остановки, до следующей остановки ... Если б можно было всех красивых, чистых мальчиков в трамвае любить: трогать, целовать, обнимать, прикасаться - до следующей остановки, только одну остановку ... *(Вытерла слёзы, улыбается.)* Вот так, Женьшеньчик, главное - это, улыбка одна. Остальное - туфта. Ерунда и туфта, установка “Град” всё остальное, понимаешь?

ЕВГЕНИЙ. В трамваях ездишь, по улицам ходишь, парням улыбаешься ...

АНЖЕЛИКА. *(Повернулась к Евгению, смотрит ему в глаза.)* А если ты, тварёныш, или мне скажешь что, или меня пальцем тронешь - я тебе глаза повыцарапываю. Нет, я задушу тебя, я тебе глаза вырву, язык вырву, я пожарю тебя на костре, гадёныш, на костре из этих шмоток, из нашего приданого, только тронь меня, убогую, несчастную, если ты мне только слово ещё скажешь, только одно, потому что - нельзя обижать меня ... *(Смеётся, молчит.)*

Испугался? А у меня бывают припадки. Даже язык другой раз прикушу. Нервная. Гулять потому что всё время хочу. Мать не пускает на улицу, говорит - родишь мне, в подоле принесёшь. А я ей говорю: "Рожу, и принесу, и положу на стол!" А она меня за это - бить. *(Смеётся.)* Но я придумала как делать: я на кровать кладу свёрнутое пальто и в окно, через балкон, через чердак, и - вперёд, наярываю ...

ЕВГЕНИЙ. Ты шалашовка ...

АНЖЕЛИКА. Ну, ну, говори дальше, скажи, скажи, и помни, что я тебе пообещала, Женьшеньчик, ну? Что сказал, повтори, ну?

Евгений молчит. Анжелика хохочет.

Трусятина. Труссы длинные. Семейные. Семейный ты человек. Шалашовка, говорит. Скоты такие. Вам лишь бы выпить, да потереться, а более - ничего. А если того, и другого не дашь - ты уже не нужна, ты уже - иди, гуляй. А и хорошо, что я такая. Вот такая - и всё! Думаешь, завидую замужним, этим бабам, что по улице ходят - у которых мужики, квартиры, семья. Нет, не завидую. Да, у меня - нету ничего. И не будет. Хотела вот с тобой попробовать, да куда там! Зато знаешь, какая у меня радость бывает, когда приходишь на случку в чужую квартиру, к нему, любимому на одну ночь, а его жена - уехала к папке, к мамке ли, дура, уехала - мужика одного оставила ... *(Открыла балконную дверь, дышит воздухом, кричит на улицу.)* Дуры-бабы! Никогда не оставляйте мужиков одних, не отпускайте их ни на шаг от себя, слышите?! Потому что я, Красная Шапочка, на стрёме всё время! *(Хохочет, вошла в комнату, выпила, закурила.)* Так вот, ты не знаешь, какой это кайф, счастье: ходить в её тапочках, надевать её халат, мыться - в её ванной мыться! - а потом ложиться в постель - в её постель! - с её мужиком! Ай, счастье! Это я к одному офицеру тут ходила, у него жена уезжала. И не стыдно, ни капли, не-ка. Мстишь ей, падле такой, что вот - у нее всё есть: ванная с зеркалом, мебелишка, кроватка, мужик красивый, а у тебя - нету. У меня - нету ничего и не будет! Зелёный угол и двухвостки. И не стыдно, только охота ей мстить, падле! Гладишь его, мужика этого, и думаешь: я хоть и сорока-воровка, хоть на часик у тебя, но я покажу тебе всё, что умею, мой миленький, чтоб ты запомнил меня на всю жизнь ... Нет, не надо тебе уходить от своей дуры, живи с ней, только знай, миленький, что есть и другие бабы, получше твоей раскладушки, которая тебе каждое утро - свежую рубашечку, штаны со стрелками, чтоб обрезать можно было, яичницу с помидорами, и ты только из-за этой яичницы с нею и живёшь, идиот, счастье на яичницу променял! Живи, но знай, что есть и другие, такие как я, хорошие, но несчастные, которые только и видели, что стенки с комарами и далеко-далеко - баню с голыми мужиками. *(Пауза.)* Только посмей сейчас сказать что, только прокомментируй, Женьшеньчик. Я тебе сделаю то, что обещала. Потому что - готова сорока-белобока, вызрела, убью любого.

ЕВГЕНИЙ. *(Мотает головой.)* Всё равно я тебя люблю и тебе прощаю всё.

АНЖЕЛИКА. *(Смеётся.)* Трусятина, боишься что мне сказать? А я же тебе спецом говорю, чтоб тебя разозлить и чтоб ты в драку полез, а я тебя - побью тогда ... Ну?

ЕВГЕНИЙ. *(Молчит.)* Сама трусятина.

АНЖЕЛИКА. То-то и правильно, бойся. И вообще - надоел, уйди. Уйди, сказала, ну?!

Села на пол, коленки к себе прижала. Евгений идёт в коридор. Выключил свет. Включил. Ходит по коридору в тапочках, зло пинает пакеты. Валентин на кухне проснулся, кричит вдруг:

ВАЛЕНТИН. Помогите! Помогите! Сюда идите! Кто-то хоть! Скорее!

Людмила бежит на кухню, включила свет. Валентин сидит на раскладушке, мотает головой.

ЛЮДМИЛА. Что? Приснилось что?

ВАЛЕНТИН. Людмила, дайте мне руку, рядом ко мне сядьте, у меня страх ...

ЛЮДМИЛА. Чего?

ВАЛЕНТИН. Ну, что ж меня все бросили, я ж говорил: я не могу один ...

ЛЮДМИЛА. Ой, беда, как котёнок, как ребятёнок, это что ж такое ...

Села на табуретку, смотрит на Валентина, хлопает его по щекам.

Ну? Очнулся? Проснулся? Потягушечки? Воды дать? Или опохмелиться? С бодуна-то думка одна, нет? Что, как? Перепелиная болезнь? Что надо?

ВАЛЕНТИН. Ничего не надо, так вот посидим минутку. Сейчас всё пройдёт ... Спасибо вам.

Пришёл Евгений, шатается, смотрит на Валентина.

ЕВГЕНИЙ. Ехать надо.

ЛЮДМИЛА. Слушай, хозяин, иди, проспись тоже, а потом будешь с разговорами ... Без тебя разберусь тут ...

ЕВГЕНИЙ. Ехать ему надо ...

ЛЮДМИЛА. Да что пришёл-то, зараза два раза? Не видел, как человек просыпается? Ну, проснулся, всё уже. Иди.

ЕВГЕНИЙ. Мне поговорить с вами надо.

ЛЮДМИЛА. Иди туда. Сейчас поговорим.

ЕВГЕНИЙ. Мне серьезно надо.

ЛЮДМИЛА. Идите, сказала. Ну?!

ЕВГЕНИЙ. Я что? Ничего. Всё чётко. Только оговорить кое-что надо.

ЛЮДМИЛА. Сейчас поговорим, пятый раз тебе, глухому, говорю, ну? Иди!

Евгений пошёл к столу в коридоре, сел, ест что-то. Анжелика в окно смотрит.

ВАЛЕНТИН. *(Трёт руками голову.)* Сколько уже на часах?

ЛЮДМИЛА. Три ночи. Вставайте, раз проснулись. Скоро поедете. Я ждала, чтоб все проспались, сама не спала. Бабушка вот тоже не спит. Измучилась она вся. Помрёт, наверно, скоро. Ладно, пора уже всем. Похмелю вот вас - и давайте все.

ВАЛЕНТИН. Правильно. Спасибо. Давайте все, что ж.

ЛЮДМИЛА. Ну, а что, оставить вас всех? Ну да. Серёги уехали, и вам пора. Кто в Америку, кто на Кавказ, кто в деревню - по домам. Надо и честь знать. А мы останемся тут. У меня завтра работа целый день. А у вас ещё адреса. Вот, идите по ним.

ВАЛЕНТИН. Ваш последний был.

Евгений вернулся, стоит на пороге кухни, качается.

ЛЮДМИЛА. Нет, никто тут не останется. Нечего. Всё. Точка. Наженилась. Ухожу на пенсию. Давайте, за стол, отходную и - по домам все, зараза два раза. Хватит, хватит, мы будем по-старому жить, четыре калоши, жить будем, как жили ...

ЕВГЕНИЙ. Я буду с вами тут жить.

ЛЮДМИЛА. Будешь, будешь. Похмелились и - вперёд. Пошли, говорю, за стол, чего тут сидеть.

Валентин поднялся, идёт за Людмилой в коридор, Евгений следом. Сели за стол. Молчат.

(Дёрнулась вдруг, обернулась назад.) Ой!

ВАЛЕНТИН. Что?

ЛЮДМИЛА. Будто укусил кто меня.

ВАЛЕНТИН. Куда?

ЛЮДМИЛА. За бок.

ВАЛЕНТИН. Комар?

ЛЮДМИЛА. Да нет, спят они.

МОЛЧАНИЕ.

ВАЛЕНТИН. А ребята? Уехали?

ЛЮДМИЛА. Уехали. Нашумели, накричали, денег вот кучу надавали, за три месяца вперёд за квартиру и - уехали. Жалко чего-то их стало. Хорошие были. Ну да, пусть живут, как хотят, лишь бы счастье было у них. Есть оно где или нет? А? Ой, беда ...

Евгений положил руки на стол, уснул.

Вот, армия. Уснула. *(Пауза.)*

ВАЛЕНТИН. А можно свет выключить? Глаза режет.

Людмила встала, выключила свет.

Спасибо. *(Пауза.)* А почему это так светло?

ЛЮДМИЛА. Не знаю.

ВАЛЕНТИН. А-а, это стены радиоактивные, вы говорили и они - светятся, да?

ЛЮДМИЛА. Да прямо что.

Молчат. А в коридоре и вправду светло, видно всё. Сидят Людмила и Валентин, молчат. Долго молчат. Вдыхают. Евгений спит.

ВАЛЕНТИН. Надо же, как светло ... Светится что-то. *(Пауза.)* Ну, прощайте, Людмила. И простите.

ЛЮДМИЛА. Ладно. Труссы ваши я с дерева вилами достала. Поезжайте, зараза два раза. *(Пауза.)* Вы ж говорили, что у вас там дом, семь комнат ... Нету, значит?

ВАЛЕНТИН. Квартира - такая же как ваша.

ЛЮДМИЛА. Значит - нету. А зачем ввали? Соблазняли бабу бедную? Да зачем я вам понадобилась? Здесь хотели поселиться? Шило на мыло поменять?

ВАЛЕНТИН. Нет, просто подумал: а вдруг у меня там дом, в Краснодарском крае, и я там живу.

ЛЮДМИЛА. Ну, вот теперь оно и видно, что вы в дурке лежали. Ну, как не стыдно? Что, вот так и ездите туда-сюда, где обломится, где получится, так, что ли? Ой-ой ...

ВАЛЕНТИН. Простите. Рассказывал вам и даже поверил, что он, дом, есть, так сказать. Вот, утром выхожу - винограднику отщипну, съем, потянусь, сяду под фейхоа - знаете такое растение? - съем одну киви, сорву ромашку, погадаю, закричу жене: "Людочка, иди ко мне, золотце, мы с тобой под фейхоа посидим, подышим свежим воздухом, посмотрим в сторону синих голубых гор! И захвати с собой коробку конфет "Ромашка", я тоже съем одну, Людочка!" *(Пауза.)* Могло ведь быть со мной такое? Могло, так сказать.

ЛЮДМИЛА. Ну вот ещё, Людочка ... *(Пауза.)* А ведь я вам поверила, Валентин Иванович. Дело прошлое, ну да - теперь не вернётся. А вот мы там сидели, и вы меня по руке погладили, и что-то такое красивое говорили, прямо ужас. При парнях уж не стала скандалить продолжать, да и надо было по-людски проститься. Ведь как на смерть, в Америку - насовсем. Не увидеть их теперь никогда. Ну, зачем вы к ней полезли?

ВАЛЕНТИН. Не знаю. Простите, Людмила.

ЛЮДМИЛА. Ладно. Прощаю.

ВАЛЕНТИН. *(Трёт глаза.)* Поеду. *(Пауза.)* Выпьем на дорожку и пойду. *(Выпили.)* Он останется. Конечно. Он молодой ведь. Он лучше меня. Вам будет защита. Стареем так быстро. Болит всё. Людмила, хотел вам сказать, знаете, что? Вот иду, другой раз, по улице,

вижу мальчишку маленького, идет он, его мама за руку держит. А я думаю: сейчас, как в сказке, будет - я брошу эту свою шкуру, это своё тело тут где-то, на улице и переселюсь в мальчишку этого, сейчас переселюсь в него, в его душу, но останусь самим собой, Валькой, Валентином, "Валюхой", как в школе меня дразнили, останусь им, но вдруг - стану на двадцать лет моложе, так сказать ... Стать им, пацаном, и жить заново, и жить заново долго - сто лет еще, или двести, и каждый раз в другого перепрыгивать. Пусть будет плохо все, но я буду жить заново, жить ... И вот, слушайте, Людмила, для чего: стать мальчишкой, опять с начала, чтобы вот эту гадость, что неправильно сделал, что со мной была все годы - выкинуть, выбросить и всё с начала, с начала ... Как я вот ему завидую! Вот он сопит рядом, а я ему завидую, что он на двадцать лет моложе! Ведь он жизнь проживёт с подлостью, а я бы ею - как надо распорядился ...

ЕВГЕНИЙ. *(Бормочет.)* Я не сплю, я всё слышу ...

ВАЛЕНТИН. Да слушай ... Он главного не знает. А я знаю, я старше его на двадцать лет, я про это про главное знаю хорошо, но высказать не могу его, главное это, я не умом знаю, а чувствую его, так сказать. И я-то мог бы распорядиться как следует его жизнью, этими двадцатью годами разницы, я бы сделал так много, я бы так много сделал, я бы всё иначе сделал, я бы сделал ... *(Плачет.)*

ЛЮДМИЛА. Ой, водка как плачет, слёзы-то у неё крупные. Ну, хватит болтать. Не понимаю я ничего вашего. Турок я, турок, необразованная. Не понимаю, не хочу понимать. Пейте, ешьте, Валентин Иванович, да идите, хватит ... Всё. Прощайте, Валентин Иванович. Вы алкоголик, что ли, к тому же, нет?

ВАЛЕНТИН. Нет, я если немножко выпью, дак я уснуть могу. А то - не могу. Страшно. Одному страшно.

ЛЮДМИЛА. Ничего не понимаю, приношу прощение. Прощайте, Валентин Иванович.

ВАЛЕНТИН. Прощайте ... Вот, уже жизнь заканчивается как-то, в старпёры записали, в старичка молодящегося, с кольцом ходит, дурак лысый. А я ведь живой ... Я вчера был мальчишка, вчера бежал на пятый этаж через три ступеньки, а сегодня - лысина, хоть мажь крапивой, хоть не мажь, нету волос! Вот, он - сидит, и я - сижу, и думаю: как залезть ему внутрь? Можно как-то? Нет. Потому что - потому что: трамвай ходит только до часу. *(Пауза.)* Не буду пить, расплакался вот, болтаю всякое, правильно вы говорите, сердце стучит ...

ЛЮДМИЛА. Да пей. *(Вытерла слезы.)* Жалко, что ли, говна, ещё наварим. Ой, Валя-Валя, Валя-Валя, Валя-Валя ...

ВАЛЕНТИН. Ой, Люда-Люда, Люда-Люда, Люда-Люда ...

ЛЮДМИЛА. Ой, Валя-Валя ...

ВАЛЕНТИН. Ой, Люда-Люда ...

ЛЮДМИЛА. Ой, Валя.

ВАЛЕНТИН. Ой, Люда.

МОЛЧАНИЕ.

А муж-то у тебя, отец её - кто? Есть? Был?

ЛЮДМИЛА. Да солдат её отец, кто ещё-то, спрашивает, главно. Ясно дело.

ВАЛЕНТИН. Ну, а сама-то зачем врала? Гагарин, Гагарин ...

ЛЮДМИЛА. Дак что, сказать тебе или кому другому - как на самом деле было? Дак скривитесь, некрасиво сильно. Я и на работе так всем рассказываю. А зачем - не знаю сама. Уже даже сама поверила, зараза два раза. Да я её родила от солдата заезжего, он

уехал, как со мной повошкался, поиграл, тварь. Какой Гагарин. Улетел на вертолете, на ракете системы “Град” в свою деревню, падла. Запился, поди, не узнать, морда красная и довольная, в телевизор, поди, не влазит. Миша его звали. Тварёныш, ни копейки на неё не дал, жилы я из себя вытянула, всю жизнь их тащила всех. А он, Мишутка, Михуил, сидит, поди-ка, на огороде сейчас, на навозной куче, или в бане парится, со своей толстозадой женой, в бане, падла. Жена красномордая, такая же, как и он, поди. Куча детей, поди. И он, как пьянка какая, сидит за столом, бахвалится пьяни, что вокруг него сидит, рассказывает, хвалится, как он с девками в армии гулял, чего он творил. Говорит, поди: “Была у меня одна бабёнка, Людочка такая, попка у неё - уй!”, и хихикает, мерзотина, рассказывает, как он в армии весело развлекался, паскуда ... И откуда ему знать-то, как я мыкалась и мыкаюсь всю жизнь?! Да чтоб твоя баня и твоя навозная куча вместе с тобой провалились бы в тартарары, тварюга ... Чтоб тебе, чтоб тебе ... *(Пауза.)* Мы тут все солдатские подстилки, если по простому, чего уж, если честно. Без мужьёв детей воспитывали. Мамочка меня родила тоже от солдата прыщавого. Родила уж, когда ей тридцать было, кто мог на нее польститься, ну? А её мама родила её - тоже от солдата. Солдатские вдовы. И я ребенка уродку родила, а она - еще уродину притащит мне от него вот, так вот и плодимся, как сорнячки по весне.

ВАЛЕНТИН. Дак ей сто, правда, или нет, бабушке?

ЛЮДМИЛА. Да кто знает?! Для тебя праздник хотели сделать, чтоб красиво было. Мы ж как человеки к тебе отнеслись, по-людски чтобы, не по-собачьи, для тебя старались, как люди. Не как собаки. *(Пауза.)* Да какой день рождения. Господи?! Ни она дня рождения своего не помнит, ни мы. Ну, не восемнадцать ей ведь. Валет уже, и та, и другая, да и я тоже. С ними вольтанёшься тут. А бабки что дурами стали? То война, то тюрьма. Разве ж они бы так жили, если бы не эта жизнь?! Пять минут на завод в войну опоздал - пять лет получи. Вот, бабушке всё кажется, что её обворуют и похоронить будет не в чем и некому. Она назад только смотрит. Вперёд - нет. Уже и таблеток не хочет, а значит - всё, проехали. Если человек таблетки глотает, значит, он ещё жить хочет, а если - не надо ему, так капут пришёл, значит, со дня на день будет отбой по полной форме. А мама воду не любит, мыться не любит, боится воды. В войну у них гниды да струнья были, вот и мылись, и мылись, до тошниловки, что теперь даже не может на воду спокойно смотреть. Вот так. Да разве б они так жили, если бы не эта жизнь?! *(Пауза.)* Это они там, в Америке, как старыми станут - думают: мы завтра будем жить. А мы - мы только и думаем: завтра помирать, готовься. Вот и Серёжки уехали. Жалко мне их. Ну, какая нам Америка? Где родился, там и сгодился. И врёт этот *(кинула на Евгения)* про них. Неправда всё, они не такие, хорошие они ребята. А даже если и правда - пусть живут, как хотят, только бы у них было счастье. *(Плачет.)* Ну, вот где оно, счастье-то, ну вот где, а?! Ну вот, скажи мне, ну, есть оно где-нибудь, у кого-нибудь или нету, ну, скажи, ну?! Ну, скажи, а? Ну, где оно есть, ну скажи, а?! Ну, есть ведь где-то или нигде нету?! Ну, почему его нету-то, а?! Ну где оно, а?! Где-то, поди, есть у кого-то?! Ну, дак покажите, где?! Где, где, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

ВАЛЕНТИН. Ничего, Люда, не плачь. Лето перезимуем, зиму перелетuem. Мы живём. Завтра будем день, солнце, луна, будет капать с крыши, будет всё по прежнему и ничего плохого не случится с нами до самой нашей смерти ... Будет небо синее, луна желтая, а солнце красное. Будет гром, будет град, и дождь, и снег ...

ЕВГЕНИЙ. *(Проснулся.)* Я на “Граде” служу.

ЛЮДМИЛА. Да, да, служи дальше. Спи.

ВАЛЕНТИН. Ничего, Люда, у тебя всё хорошо. Маму с папой я схоронил - вот беда. А твои-то старухи живы ещё, так что? Ладно. Светло как тут ... Пойду, подышу воздухом, плохо стало мне, плакать хочу, стыдно ...

Прошёл в комнату, где старухи, отодвинул диван с Энгельсиной, вышел на балкон.

(Бормочет.) Завтра погода хорошая будет. Вот, сегодня тучек нету на небе, все тепло, какое накопилось за день, уйдет туда, наверх, к Богу к нашему, если Он есть. Всё тепло ему от нас достанется. Если Он есть ... Есть, да ... Есть, поди ...

Смотрит на небо, говорит тихо:

Бог!!!! Боженька мой!!!! Ты слышишь?! Скажи, зачем я живу?! Почему мы несчастные, Господи?! Слышите, люди?! Кто-то слышит меня или нет?! Не хочу умирать! Не хочу старым становиться! Не хочу!!!! Спите, напился, а не знаете, что мы подохнем все, мы помрем, а зачем мы тогда жили, если мы помрем, слышите, нет?! *(Кричит.)* Я хочу, снова родиться, и жить, и жить, и жить!

Людмила вытерла слёзы, встала из-за стола, вышла на балкон, тянет его руку, перепуганно бормочет:

ЛЮДМИЛА. Прямо как маленький, кричит чего-то, чего кричит-то, не завтра и не послезавтра ведь умираем, ещё будем жить, будем долго жить, всё будет хорошо ...

ВАЛЕНТИН. *(Кричит.)* Не хочу умирать!!!! Не хочу умирать!!!! Не хочу!!!!

ЛЮДМИЛА. *(Тянет его в комнату.)* Да что ж ты плачешь-то так, перестань ... Да что ж ты плачешь-то так, не надо ... Что ж ты так плачешь-то?! Что ж ты так плачешь-то?! Да что ж ты так убиваешься?! Да что ж ты так плачешь-то?! Да миленький же ты мой, да что ж ты плачешь-то, да что, что, что?! Да миленький ты мой, да не над, да перестань, да что ж ты плачешь-то, да что?!

Кричит она ему, а он ревет, кричит что-то на город, на военный городок, и так страшно плачет, рыдает, воеет, захлёбывается, ревет ...

Людмила перепуганно повторяет одно и то же:

(Вытирает слезы.) Да что ж ты плачешь-то так, перестань ... Да что ж ты плачешь-то так, не надо ... Что ж ты так плачешь-то?! Что ж ты так плачешь-то?! Да что ж ты так убиваешься?! Да что ж ты так плачешь-то?! Что, что, что, что, что, что, что?!

ВАЛЕНТИН. Не хочу умирать!!!! Не хочу умирать!!!! Не хочу-у-у!!!!

ЛЮДМИЛА. Да что ж ты будешь делать с ним? *(Втащила Валентина в комнату, усадила на диван, прижала к себе, гладит, целует.)* Да сядь, да сядь ты, я сама реву! Вот, вот, спи на моем плече, сижка спи, горе, сережка луковая. Что ж ты так плачешь-то, рёвушка-коровушка? Я и не думала, что люди - не мужики, а вообще люди - могут так выть, рыдать, не рыдать, а стонать, выть, просто - будто смерть, похороны, что ж ты плачешь-то так, не надо, не надо, миленький, не надо, не надо, не надо, не надо ...

Людмила прижимает к себе Валентина, гладит его, плачет.

Господи, за что нам муки, за что мучаемся, зачем живем, чего бегаем туда-сюда, чего ищем, чего хотим, чего, чего, чего, Господи мой Боженька ...

Людмила, поддерживая Валентина, повела его на кухню, уложила на раскладушку, одеялом его накрыла. Села рядом.

Сядь, ложись, ну-ка тихо, что такое, раскричался, ну? Вот, раскричался, расплакался, а у самого - кольцо в ухо, пираты все кольца в ухе носили, а пираты все мужики были, они не плакали, понимаешь? Я читала в детстве книжку про пиратов ... *(Плачет.)* У нас вот в кассе девка молодая одна работает - Ленка. Дура такая, Ленка-подними-коленку. Как что не так, как с кем поругалась - она сразу бежит домой, дома жалуется мужу своему. А он прибегает, и - давай сразу орать на всех начинает, руками машет, разборки делать всякие. Какая она счастливая, наша Ленка. Какая ...

Людмила сидит рядом с Валентином, гладит его.

Евгений проснулся, слышал всё. Сидит за столом в коридоре, курит.

ЕВГЕНИЙ. *(Громко.)* Почему это?

ЛЮДМИЛА. Потому что. Потому что. Потому что ей - есть кому за неё заступиться ...

Евгений встал, семечки щелкает, шатается по коридору, все двери открывает, стенки гладит. Вошёл в комнату, где Марксина и Энгельсина. Марксина не спит, сидит с игрушкой в руках, смотрит на Евгения.

ЕВГЕНИЙ. Не спишь, бабка? На посту сидишь, мезозой? Дембельский аккорд у тебя? Сторожишь, чтоб твоё не украли? Правильно, сторожи, тут кругом ворюги! Не спи, мандавошка старая! Пост сдал - пост принял! Часовые Родины! Шагом марш! Да здравствует! Ура! *(Заглянул в комнату к Анжелике.)* Сидишь, шалашовка? Жертву высматриваешь? Ну, погодите у меня ...

Пришёл на кухню. Взял Валентина за плечи, поднял с раскладушки.

ЛЮДМИЛА. Ну что тебе? Закурить надо? На. Дам я тебе закурить.

ЕВГЕНИЙ. Не надо мне закурить. Бросил. *(Трясёт Валентина.)* Вставай, едь. Всё, кончилось твоё. Иди.

ЛЮДМИЛА. Да отстань ты от него.

ЕВГЕНИЙ. Ему ехать надо.

ВАЛЕНТИН. Я ехать не могу, ноги не держут.

ЕВГЕНИЙ. Ехать надо туда, куда ты ехать собрался.

ВАЛЕНТИН. Не тыкал бы ты мне, товарищ солдат. Не люблю. Я ж старик в твоих глазах. Поуважай, я в два раза тебя старше.

ЕВГЕНИЙ. Аферюгам тыкаю. Медицинский инструмент у тебя во всех карманах и марганцовка. Как тебе не тыкать - ты пьяный в уматину, раз, ты к тому же аферюга - два, кричишь на улицу - разбудил людей, всю мою роту! - три.

ВАЛЕНТИН. Я не аферюга.

ЕВГЕНИЙ. Как же ты не аферюга. Ты междуножное пирожное, понял?! Ты хотел на ней жениться, и сюда переехать. Но не выйдет! Я сюда перееду. Я ей прощу всё. Прощу, что она с тобой запрещённым способом, прощу ...

ВАЛЕНТИН. Идиот ты, даже жалко тебя ...

ЕВГЕНИЙ. *(Щелкает семечки, плюёт в Валентина.)* Подожди, я ещё с тобой поговорю потом за такие слова. Ты собирайся давай, собирайся, не надейся остаться, потряси березку, бери свои трусы с неё, и улепётывай, окольцованный, пидерштейн. Думаешь, она будет твоя жена? Не будет. Анжелка будет моя жена. Мы с ней будем тут жить. Я тут всё перестрою.

ЛЮДМИЛА. Ты перестроишь. Ну, чего? Драться хочешь? Ну, иди дерись в другом месте, хватит мне тут, опять да заново.

ЕВГЕНИЙ. Ты чего у ней прижался? Ты чего сопишь? Под бок пригрелся? Уйди, уйди, уйди, уйди отсюда!!!

АНЖЕЛИКА. *(Пришла на кухню.)* Не трогай их, дурак, пусть сидят.

ЕВГЕНИЙ. И ты твякаешь? Ну, хорошо. Только и обзывают меня - дурак да идиот! Я, гляжу, вы все чётко на меня окрысились, ага? Только скажите еще слово - я вас сдам в милицию! Нет, напишу на вас заяву в военную прокуратуру, что вы весь наш "Град" военный споили, самогонкой торгуете солдатам, вот так! Так что - молчите лучше, ежли за решетку не хотите!

ЛЮДМИЛА. Лучше б ты и дальше смеялся, парень.

ЕВГЕНИЙ. Насмеялся уже, молчи, старая лярва. Ты меня ударила сегодня! Я тебе не прощу! Думаешь, так тебе с рук сойдёт?! Я сейчас вам тут устрою установку "Град", я покажу вам, как она работает! *(Щелкает семечки, плюёт их в Анжелику, в Людмилу.)* Вы тут притонище устроили! Самогоном торгуете! "Голубых" плодите, в квартиранты берете! Не

доносите на них! Я вам покажу! Зачем он к ней прижался? А ну - упал-отжался! *(Анжелике.)* Ты зачем с ним тискалась, сучка, отвечай? Всем даёшь? Я тебе буду муж, я тебе покажу сейчас, кто в семье главный и как муж свою жену учить должен и как она должна ему подчиняться! Я вас, проститутки такие, сейчас проучу!!! Или вы честные давалки?! А?! Лоси позорные, соски ужасные, сандали рваные, урыли все отсюда!!! Что, прижухли сразу?! *(Валентину.)* А ну дал мне быстро закурить?!

ВАЛЕНТИН. Ухо заболит.

ЕВГЕНИЙ. А ну, дал быстро закурить, сказал?! Дай! Ты, фуфло, барон цыганский, аферюга проклятая! Или я тебя сейчас пежить по нотам буду!

Евгений начинает орать, толкнул стол в коридоре, разбил посуду, кидает в Людмилу, Анжелику и Валентина картошку, банки с рассадой.

Валентин встал с раскладушки. Подошёл к Евгению, смотрит ему в глаза. Потом вдруг коротко и быстро бьёт его. Ещё и ещё раз.

ВАЛЕНТИН. *(Бьёт Евгения.)* Вот так, сынок ... Это тебе - за Марксину ... Это тебе - за Энгельсину ... Это тебе - за Людмилу ... А это тебе - за Анжелочку ... На, на, на, на ...

Бьёт Евгения, молча, яростно. Евгений визжит, хихикает, упал на колени, бормочет быстро:

ЕВГЕНИЙ. Не надо, не надо! Я понял! Я уже понял! Не бейте меня, простите, пожалуйста, я не буду больше, у меня случайно это вырвалось, не надо! У меня “больные дни”! Не надо!!!! Не надо!!!! Не надо!!!! ..

Валентин взял Евгения за шиворот, подтащил к входной двери.

ВАЛЕНТИН. Я разве ж тебя побил? Если тебя бить, так тебя не так надо было ... А так просто, кое-что за каждую из них на память тебе ... Ты ж мужчина. А шрамы украшают настоящих мужчин. Вот, украшение тебе ...

Выкинул Евгения на лестницу.

МОЛЧАНИЕ.

Стоят в коридоре Людмила. Анжелика, Валентин. Смотрят друг на друга.

АНЖЕЛИКА. Ты чего плачешь?

ЛЮДМИЛА. От счастья.

АНЖЕЛИКА. Чего?

ЛЮДМИЛА. Заступился.

АНЖЕЛИКА. Чего?

ЛЮДМИЛА. Первый раз в жизни ...

ВАЛЕНТИН. Что?

ЛЮДМИЛА. Первый раз в жизни за меня заступились. Раз в жизни я счастливая была. *(Плачет.)* Надо же ... Первый раз. Да зачем вы, Валентин Иванович? Не надо было вам это ... Я ведь и сама деруся. Я бы и сама с ним справилась. *(Плачет, улыбается, причёску поправляет.)* Но всё равно. Спасибо. Мне очень приятно. Очень. Очень. Очень. Очень. Очень. Очень. В вас присутствует человеческий фактор.

МОЛЧАНИЕ.

ВАЛЕНТИН. Вот, помолчали. Милиционер родился. Ну, поехал я теперь тогда. Ничего, Людмила. “Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!” - так ведь, да?

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит во все глаза на Валентина.)* Да ... “Такая уж поговорка у майора была ...”

Валентин надел плащ, взял портфель.

АНЖЕЛИКА. Град на улице идет.

ЛЮДМИЛА. Это уже не град, а прямо бомбы падают.

ВАЛЕНТИН. Нет, это дождь пошёл. Стучит как по крыше.

ЛЮДМИЛА. А-а. Ну, дождь на дорожку - это к счастью. *(Послюнила палец, потёрла пятнышко на плаще Валентина, улыбается.)*

МОЛЧАНИЕ.

ВАЛЕНТИН. К счастью, ну да. Ну и ладошки. Ишь, в банки закапало. Как заплакало.

ЛЮДМИЛА. Нет, мы не будем плакать. Смеяться будем. *(Улыбается Валентину, смотрит на него.)* Будто кто укусил меня снова. Уйди, кто укусил, уйди к чёрту.

Анжелика хлопнула Людмилу по руке.

Ты чего?

АНЖЕЛИКА. Комар.

ЛЮДМИЛА. А, это комары проснулись, кусаются. Ишь, какие. Надо же. Ну, пусть. *(Смеётся.)*

МОЛЧАНИЕ.

ВАЛЕНТИН. Ну всё. Прощайте. *(Пауза.)*

ЛЮДМИЛА. Ступай с Богом со Христом, с миром. Уйди отсюда, от нас. Может, найдёшь себе счастье. Поищи хорошенько. Тут нету. Уйди-уйди от нас. *(Смеётся.)* Вот, игрушка твоя. Забери. Заяц какой смешной. На. Будешь в другом доме, там подаришь, ещё раз. Пусть и они порадуются.

Прошла в комнату, взяла у Марксины игрушку, отдала Валентину. Валентин взял портфель. Повернулся, вышел из квартиры, пошёл по лестнице.

Людмила и Анжелика стоят у окна.

Стукнула дверь подъезда. Звук полетел к небу.

Анжелика и Людмила вскинули головы, смотрят в небо, будто что-то там высматривают. Ничего не видно.

Смотрят на Валентина, который идёт от дома, ноги его расползаются на красной глине, идёт быстро.

Марксина хлопает по постели, ищет игрушку, кричит:

МАРКСИНА. Украли ... Украли ... “Уйди-уйди” мою взяли ...

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит в окно.)* Я тебе куплю, баба, новую, другую, ты спи, не бойся, не украли, а - отдали мы, не украдут у нас ничего ...

Энгельсина встала рядом с Анжеликой и Людмилой у окна, платье поправила, причёску, смотрит на улицу, поёт себе под нос:

ЭНГЕЛЬСИНА. “Я - “Земля”! Я своих провожаю питомцев! Сыновей, дочерей! Долетайте до самого Солнца! И домой возвращайтесь скорей!!!”

ЛЮДМИЛА. *(Смотрит в окно.)* Да, да, мама, питомцев, сыновей, дочерей, до самого Солнца ...

МОЛЧАНИЕ.

Все трое вздохнули и негромко пропели:

ВСЕ. “Долетим мы до самого солнца ... И домой возвратимся скорей ...”

МАРКСИНА. *(Сидит на кровати, плачет, бормочет.)* Уйдите все ... Украли всё ... Уйдите ... С глаз уйдите ... Дайте мне помереть ... Уйдите, уйдите все ...

ВСЕ. *(Поют тихо.)* “Долетим мы до самого солнца ... И домой возвратимся скорей ...”

Стоят бабы у окна, плачут. По дороге машина с желтым огоньком едет, дорогу чистит, будто расчищает дорожку для Валентина, а он за машиной плетётся по красной глине.

Вечер, ночь, темно в комнате.

Стоят у окна четыре бабы и смотрят на баню, на городок, на Валентина.

Одна плачет, что мужа у неё не было
другая плачет, что мужа у неё нету,
третья плачет, что внука у неё нету,
четвёртая плачет, что жениха у неё нету,
а если будет - то обязательно идиот и гадёныш,
пьяница и драчун, лентяюга и дурило.

Стоят бабы, плачут.

Темнота

Занавес

Конец

май 1998 года,

с. Логиново